

VALIS

ФИЛИП К. ДИК

ВСЕВЫШНЕЕ
ВТОРЖЕНИЕ

**PHILIP
K. DICK**

Валис

Филип Киндред Дик
Всевышнее вторжение

«ЭКСМО»

1981

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Дик Ф.

Всевышнее вторжение / Ф. Дик — «Эксмо», 1981 — (Валис)

ISBN 978-5-699-53525-5

Второй роман трилогии «ВАЛИС». Роман о поиске «истинного» бога и спасении мира. «Мягкая» научная фантастика, психоделика. Религиозные философские темы. Далёкое будущее, место действия: Земля и вне Земли. Финалист премии Британской ассоциации научной фантастики. Шорт-лист премии «Локус». Номинация на премию альманаха «Гигамеш». Финалист премии «Прометей». Список «Определяющая фантастика 1980-х годов». Херб Ашер встречает на отдаленной планете Бога, имя которому Яхве, и понимает, что его долг помочь вернуть Бога на Землю. Земля же находится под полным контролем Велиала, духа лжи и небытия. Ашер должен сделать так, чтобы женщина, беременная Яхве, миновала системы безопасности, охраняющие диктатуру демонической Империи. Во «Всевышнем вторжении» Филип К. Дик задаётся вопросом: «Что, если Бог – или некий образ Бога по имени Яхве – жив и находится в изгнании на далёкой планете? Как могло бы второе пришествие преуспеть в борьбе с высокими технологиями и тонко настроенным рационализированным злом современного полицейского государства?» «Роман соединяет иудаизм, каббалу, зороастризм и христианство в увлекательную притчу о человеческом существовании». – West Coast Review Books

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-53525-5

© Дик Ф., 1981

© Эксмо, 1981

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	27
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Филип Киндред Дик

Всевышнее вторжение

© Пчелинцев М.А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Долгожданное время пришло.

Работа свершилась, пред тобою законченный мир.

Он был трансплантирован и уже живет.

Таинственный голос в ночи

Глава 1

Пришло время отдавать Манни в школу. У правительства имелась специальная школа. По закону получалось, что Манни не совсем обычен, а потому не может ходить в обычную школу, и тут уж Элиас Тейт не мог ничего поделать. Обойти этот закон было никак невозможно, потому что дело происходило на Земле, и тут на всем лежала тень зла. Элиас ежесекундно ощущал эту тень; вполне возможно, что ощущал ее и мальчик.

Вот только Элиас понимал, что она такое, а мальчик, конечно же, нет. Шестилетний Манни был ребенком крепким и симпатичным, но при этом выглядел как-то вяло, полусонно; можно было подумать (думал Элиас), что он не совсем еще родился.

– А ты знаешь, какой сегодня день? – спросил Элиас.

Мальчик улыбнулся.

– Ладно, – вздохнул Элиас. – Многое будет зависеть от учителя. А что ты помнишь, Манни? Ты помнишь Райбис? – Он показал голографический портрет Райбис, его матери. – Посмотри на Райбис, вот она какая была.

Придет день, и к мальчику вернется память. Некий растормаживающий стимул, predetermined собственной волей ребенка, включит анамнезис – снятие амнезии, – и на него нахлынут воспоминания: его зачатие на СУ30-СУ30В, пребывание в утробе Райбис, когда та боролась со своим кошмарным недомоганием, путешествие на Землю, а может быть – даже и допрос. Находясь в материнской утробе, Манни помогал им троим – Хербу Ашеру, Элиасу Тейту и самой Райбис – своими советами, но затем произошел несчастный случай – если, конечно же, это происшествие было случайным. И как следствие – травма.

А как следствие травмы – забвение.

Они доехали до школы на местном монорельсе. Им навстречу вышел низенький мельтешливый человек, представившийся как мистер Плаудет; он кипел энтузиазмом и заявил, что хочет пожать Манни руку. Элиас Тейт ни секунды не сомневался, что этот человек работает на органы. Сперва они жмут тебе руку, думал он, а потом возьмут и придушат.

– Так это, значит, и есть Эммануил, – возгласил Плаудет, широко осклабившись.

В обнесенном оградой школьном дворе играли дети. Мальчик робко жался к Элиасу Тейту; было понятно, что он тоже хотел бы с ними поиграть, но боится.

– Какое красивое имя, – восхитился Плаудет. – А ты, Эммануил, ты можешь сам сказать свое имя? – спросил он, наклонившись к мальчику. – Ты можешь сказать «Эммануил»?

– С нами Бог, – сказал мальчик.

– Простите? – удивился Плаудет.

– На древнееврейском «Эммануил» значит «с нами Бог», – пояснил Элиас Тейт. – Потому-то его мать и выбрала это имя. Она погибла в воздушной катастрофе еще до того, как Манни родился.

– А меня поместили в синтематку, – сказал Манни.

– Так что же, это и стало причиной... – начал Плаудет, но Элиас Тейт жестом призвал его к молчанию.

Покраснев от смущения, Плаудет начал листать тощенькую папку.

– Посмотрим, посмотрим... Так, значит, вы не отец этого мальчика. Вы его двоюродный дедушка.

– С его отцом некоторые трудности, он в криогенном анабиозе.

– Та же самая авария?

– Да, – кивнул Элиас. – Ему нужна пересадка селезенки.

– Это не лезет ни в какие ворота! – возмутился Плаудет. – Чтобы за целых шесть лет не подобрать ничего подходящего...

– Я предпочел бы не обсуждать смерть Херба Ашера при мальчике, – оборвал его Элиас.

– Но он знает, что его отец еще вернется к жизни?

– Конечно. Я задержусь в вашей школе на несколько дней, чтобы посмотреть, как вы тут управляетесь с детьми. Если мне не понравится, если ваша педагогика основана на физической силе, я плюну на все законы и увезу Манни домой. Насколько я понимаю, вы тут фаршируете детям мозги точно тем же дерьмом, что и во всех подобных заведениях. Это меня ничуть не беспокоит, хотя, конечно же, и не радует. Как только я решу, что школа меня более-менее устраивает, вы получите плату за год вперед. Мне не хотелось приводить его сюда, но так велит закон. Я понимаю, – улыбнулся Элиас, – что лично вы тут ни в чем не виноваты.

Игровую площадку окаймляли заросли бамбука, свежий утренний ветер трепал их и раскачивал. Манни прислушивался к голосу ветра, сосредоточенно нахмурившись и чуть склонив голову набок. Элиас похлопал мальчика по плечу и попытался представить, о чем говорит ему ветер. Говорит ли он тебе, кто ты такой? Говорит ли он тебе твое имя?

Имя, думал он, которого никто не должен произносить.

К Манни подошла маленькая девочка в белом платице.

– Привет, – сказала она. – Ты новенький.

Бамбук шелестел и шелестел.

Хотя Херб Ашер умер и пребывал в криогенном анабиозе, у него тоже имелись проблемы. Годом раньше рядом со складским ангаром фирмы «Криолабс инкорпорейтед» поставили пятидесятикиловаттный передатчик. По причинам никому не ведомым криогенное оборудование стало принимать мощный УКВ-сигнал. Радиостанция специализировалась на так называемой бодрящей музыке, а потому Хербу Ашеру, как и всем его собратьям по анабиозу, приходилось денно и нощно слушать наглейшую музыкальную дребедень.

В настоящий момент беззащитных мертвецов поливали мотивчиками из «Скрипача на крыше» в переложении для струнного оркестра, что было вдвойне неприятно для Херба Ашера, пребывавшего в полной уверенности, что он еще жив. В его замороженном мозгу мир простирался далеко за пределы холодильной камеры; Херб Ашер словно вновь находился на маленькой планете системы СУ30-СУ30В, где у него был прежде купол, в том критическом году, когда он впервые увидел Райбис Ромми, женился на ней, пусть это и было чистой формальностью, вернулся вместе с ней на Землю, был допрошен с пристрастием земными чиновниками, а потом, для пущей радости, погиб в авиационной катастрофе, происшедшей уж никак не по его вине. Хуже того, его жена погибла настолько подробным образом, что ее было не оживить никакой пересадкой органов; робоврач объяснил Хербу, что хорошенькая головка Райбис раскололась на две приблизительно равные части – весьма типичная для робота лексика.

Хотя Херб Ашер и представлял себя вернувшимся в свой неземной купол, он не знал, что Райбис погибла, да он и вообще ее не знал. Он жил еще до того, как снабженец привлек его внимание к жизни соседки.

Херб Ашер лежал на койке и слушал свой любимый альбом Линды Фокс. Он никак не мог понять, почему на ее голос все время накладываются звуки поганого струнного оркестрика, наяривающего мелодии из популярных бродвейских мюзиклов и всякую прочую белиберду второй половины двадцатого века. С техникой явно творилось что-то неладное. Возможно, когда он делал эту запись, ушла волна. Вот же мать твою, подумал он с почти физиологическим отвращением. Теперь мне придется что-то там чинить. Это значило, что придется слезть с койки, найти инструменты, выключить принимающее и записывающее оборудование, разобрать его – это значило, что придется работать.

Не лейте слезы, родники.

Свою умерьте скорбь.

Взгляните – солнце золотит

Вершины снежных гор.
Мое же солнце сладко спит,
Не ведая о том, и лишь...

Это была лучшая ее песня, песня из Третьей и Последней тетради лютневых песен Джона Дауленда, который жил во времена Шекспира и чью музыку Линда Фокс перекладывала для нужд современности.

Не в силах больше терпеть гнусную помеху, Херб Ашер нажал на пультике дистанционного управления кнопку «стоп». Эффект получился более чем странный: Фокс смолкла, а струнные остались. Херб Ашер вздохнул и выключил всю аудиосистему.

Но даже и теперь «Скрипач на крыше» в исполнении восьмидесяти семи струнных инструментов продолжал терзать ему уши. Слэшавые звуки заполняли весь маленький купол, почти заглушая чавканье нагнетателя воздуха. Только теперь до Херба Ашера дошло, что он слушает эту мутотень уже целых – боже праведный! – три дня.

Какой кошмар, думал Херб Ашер. В глубоком космосе, в миллиардах миль от Земли я вынужден бесконечно слушать пиликанье восьмидесяти семи струнных. Что-то тут явно не так.

Вообще-то за последний год многое пошло не так. Эмиграция из Солнечной системы оказалась страшной ошибкой. Он умудрился не заметить важнейшего обстоятельства, что обратная дорога закрыта для него на целых пять лет. Этим законом двустороннее правительство Солнечной системы гарантировало постоянный отток населения при полном отсутствии притока. Альтернативой эмиграции была армейская служба, то есть – почти верная смерть. Слоган «УЛЕТАЙ, А ТО СПЕЧЕШЬСЯ» не сходил с экранов государственного телевидения. Либо ты эмигрируешь, либо твою задницу поджарят в абсолютно бессмысленной войне. Теперь правительство даже и не пыталось подводить под войны какую-нибудь идейную основу. Тебя просто посылали на фронт, убивали и подменяли очередным придурком. Это стало возможным после объединения коммунистической партии и католической церкви во всеильную метасистему, возглавляющуюся двумя правителями, на манер древней Спарты.

Здесь же, на этой планетке, Херб Ашер был хотя бы в безопасности от родного правительства. Ну а со стороны крысовидных туземцев ему ничего особенно не грозило. Немногие оставшиеся туземцы никогда не убивали землян, засевших в куполах вместе со своими ультракоротковолновыми передатчиками и психотронными генераторами, фальшивой пищей (фальшивой с точки зрения Херба, он ненавидел ее вкус) и техническими выкрутасами, создававшими жалкое подобие уюта; все эти вещи были абсолютно непонятны простодушным туземцам и не вызывали у них никакого любопытства.

Вот же зуб даю, что базовый корабль висит прямо у меня над головой, сказал себе Херб Ашер. Висит и лупит по мне из психотронной пушки этим самым «Скрипачом». Шутки у них такие.

Он встал с койки, кое-как доплелся до пульта и окинул взглядом третий радарный экран. Радар видел все что угодно, кроме базового корабля. Догадка не подтвердилась.

Бред какой-то, подумал Херб. Он собственными глазами видел, что аудиосистема надежно отключена, однако звук не затихал. И он не исходил из какой-то одной точки, а был вроде как ровным слоем размазан по всему пространству купола.

Херб сел к пульту и связался с базовым кораблем.

– Вы передаете сейчас «Скрипача на крыше»? – спросил он у дежурного контура.

– Да, – послышалось после долгой паузы. – У нас есть видеозапись «Скрипача на крыше» с Тополем, Нормой Крейн, Молли Пайкой, Полом...

– Хватит, – испугался Херб. – А вот сейчас, в этот момент, что вы сейчас принимаете с Фомальгаута? Что-нибудь со струнным оркестром?

– А, так вы, значит, Пятая станция. Фанат Линды Фокс.

– Это что, – хмуро поинтересовался Ашер, – это так меня теперь называют?

– Мы выполним ваш заказ. Приготовьтесь принять на высокой скорости два новых аудиоальбома Линды Фокс. Вы готовы к приему?

– Я хотел спросить совсем о другом.

– Начинаем передачу на высокой скорости. Спасибо.

Дежурный контур базового корабля отключился, и Херб Ашер услышал сжатые до комариного писка звуки; базовый корабль послушно исполнял заказ, которого он не делал.

Когда передача закончилась, Херб снова связался с дежурным контуром.

– Я слушаю «Сватья, сватья» вот уже десять часов кряду, – пожаловался он. – Меня скоро вытошнит. Может, вы отражаете сигнал от чьего-нибудь ретрансляционного щита?

– Я постоянно отражаю сигналы от тех или иных ретрансляционных щитов, – заговорил дежурный контур. – Это входит в круг моих прямых...

– Конец связи, – сказал Херб Ашер и отключился.

Через иллюминатор купола он видел сутулую фигуру, медленно плетущуюся по промерзшей пустыне. Туземец со своей жалкой поклажей, ищет, наверное, что-нибудь.

– Эй, клем¹, – сказал Херб Ашер, нажав кнопку внешнего динамика. Для землян все туземцы были на одно лицо, и они называли всех их клемами. – Я хочу тут с тобой посоветоваться.

Туземец неохотно развернулся, подошел к шлюзовой камере купола и нажимом кнопки известил, что хочет войти. Херб Ашер активировал шлюзовой механизм, предохранительная мембрана встала на место, и туземец исчез в шлюзе; секунду спустя он уже стоял внутри купола, стряхивая с себя метановый иней и недовольно косясь на землянина.

Ашер извлек из ящика переводящий компьютер и сказал туземцу:

– Это займет буквально минуту. – Компьютер превратил звуки его голоса в последовательность отрывистых щелчков. – Я принимаю какие-то звуковые помехи и никак не могу от них отстроиться. Это не твои соплеменники забавляются? Вот, послушай.

Туземец стоял и слушал, напряженно наморщив темное, похожее на печеную картошку лицо. В конце концов он заговорил; голос компьютера, превращавшего двоичные щелчки в английскую речь, звучал на удивление резко.

– Я ничего не слышу.

– Ты врешь, – сказал Херб Ашер.

– Нет, – отрезал туземец, – я не вру. Возможно, твой разум удалился благодаря изоляции.

– Я блаженствую в изоляции. К тому же я совсем не изолирован.

И действительно, у него всегда была такая прекрасная компаньонка, как Линда Фокс.

– Я уже видел, как такое случается, – сказал туземец. – Купольникам вроде тебя начинают чудиться голоса и образы.

Херб Ашер достал стереомикрофоны, присоединил их к вольтметрам и включил магнитофон. Приборы ничего не показывали. Он прибавил громкость до максимальной, и все равно стрелки приборов не двигались. Ашер кашлянул, и тут же обе стрелки ударились об упоры; тревожно вспыхнули светодиоды перегрузки. Ну что ж, получается, что магнитофон по какой-то неясной причине не записал эту слюнявую струнную музыку. Ашер терялся в догадках. Туземец смотрел на него и улыбался.

– О, поведайте мне все про Анну Ливию! – с расстановкой сказал Ашер в микрофоны. – Я хочу услышать про Анну Ливию все, что только есть. Ну так как, вы знаете Анну Ливию? Да, конечно же, все мы знаем Анну Ливию. Расскажите мне все. Расскажите мне сейчас же. Ты сдохнешь, когда услышишь. Так вот, знаешь, когда эта старая анга стринулась и сделала то,

¹ Клем – уменьшительное от Клемент. На жаргоне американских «карнавальщиков», бродячих циркачей, «клем» обозначает «лох», «простофиля», «деревенщина».

что ты знаешь. Да, я знаю, продолжайте. Стирайте тише, не хляпайте. Закатайте свои рукава и распустите свои треполенты. И не пхайте меня задами, когда нагибаетесь. Или что уж там...

– Что это? – спросил туземец, внимательно слушавший вылетающие из компьютера щелчки.

– Знаменитая земная книга, – ухмыльнулся Херб Ашер. – Поглянь, поглянь, полумрак крепчает. Мои ветви велиственны, в земле пускают корни. И хлада шер объяснился. Филур? Филу! Какой там век? Сакоро поздно. Это теперь безмерно сенно...

– Этот человек сошел с ума, – сказал туземец и повернулся к шлюзу.

– «Поминки по Финнегану», – уточнил Херб Ашер. – Я надеюсь, что автопереводчик донес этот текст до тебя в полной мере. Мешают слышать воды оф. Щеплечущие воды оф. Полет мышей, мышей беседы. Эй! Не пшел еще домой? Какой еще Мэлоун Том? Мешают слы...

Туземец шагнул в шлюзовую камеру, ничуть уже не сомневаясь, что землянин спятил. Херб Ашер смотрел в иллюминатор, как он уходит прочь, возмущенно размахивая руками, а потом нажал тумблер внешнего динамика и крикнул:

– Ты думаешь, Джеймс Джойс был психом? Ты ведь так думаешь? Хорошо, только объясни мне на милость, как это Джойс упомянул «треполенты», что, конечно же, означает магнитофонные пленки, – в книге, которую он начал в тысяча девятьсот двадцать втором году и закончил в тысяча девятьсот тридцать девятом? Дораньше всяких магнитофонов! И ты называешь это сумасшествием? А еще у него сидели вокруг телевизора в книге, начатой через четыре года после Первой мировой войны. Лично я думаю, что Джойс был...

Туземец исчез за невысоким хребтом. Ашер выключил наружную говорилку.

Это просто невозможно, чтобы Джеймс Джойс упомянул в своем романе «треполенты», думал он. Когда-нибудь я напечатаю об этом статью, я докажу, что «Поминки по Финнегану» – это банк данных, основанный на компьютерных запоминающих системах, появившихся лет через сто после его смерти, что Джойс был подключен к некоему вселенскому сознанию, из которого он черпал вдохновение для всех своих трудов. Эта статья прославит меня в веках.

А вот какво оно было, думал он, собственношно слышать, как Кэти Берберян читает фрагменты «Улисса»? Жаль, что она не записала всю книгу. Но зато, порадовался он, у нас есть Линда Фокс.

Его магнитофон все еще был включен, все еще записывал.

– Сейчас я скажу стобуквенное громовое слово, – сказал Херб Ашер. Стрелки вольтметра послушно качнулись. – Начинаю. – Ашер набрал побольше воздуха. – Вот стобуквенное громовое слово из «Поминок по Финнегану». Я забыл, как оно устроено. – Он взял с книжной полки кассету «Поминок по Финнегану». – Поэтому я не стану произносить его по памяти, – сказал он и поставил кассету. – Это, – говорил он, перематывая ее на первую страницу текста, – самое длинное слово английского языка. Это звук, возникший при изначальном расколе космоса, когда одна его часть отпала в кромешный мрак и зло. А до того, как отметил Джойс, у нас был райский сад. Джойс...

Но тут забалабонило радио. Доставщик продовольствия говорил, чтобы он приготовился принять очередной груз. «Не спите?» – спросило радио. С надеждой в голосе.

Общение с другим человеком. Херб Ашер зябко поежился. Ох, господи, думал он, дрожа всем телом. Нет, не надо.

Пожалуйста, не надо.

Глава 2

Каждый прилетевший начинает с того, что вскрывает мою крышу, вздохнул Херб Ашер. Доставщик продовольствия, самый важный из всех доставщиков, вскрыл потолочный шлюз купола и уже спускался по лестнице.

– Доставка продовольственного пайка, – пробубнил динамик его скафандра. – Запускайте процедуру герметизации.

– Процедура герметизации запущена, – откликнулся Ашер.

– Наденьте шлем, – скомандовал доставщик.

– Обойдусь, – отмахнулся Ашер, и пальцем не пошевеливший, чтобы взять со стойки шлем; он знал, что потеря воздуха через шлюз будет быстро компенсирована, об этом позаботится усовершенствованная им система поддува.

Надсадно завершал предупредительный зуммер.

– Да наденьте же шлем! – рявкнул доставщик.

Зуммер перестал голосить, давление вернулось к норме.

Доставщик недовольно поморщился, снял шлем и начал разгружать привезенный контейнер.

– Люди – народ выносливый, – констатировал Ашер и тоже взялся за разгрузку.

– Вы тут все поперделали, – сказал доставщик. Подобно всем пилотам, обслуживающим купола, он был крепко скроен и работал на удивление быстро. Мотаться на грузовом челноке между базовыми кораблями и куполами планетки СУ30 II было занятием не только утомительным, но и небезопасным; он это знал, и Ашер тоже это знал. Сидеть в куполе мог кто угодно, работать снаружи могли очень немногие.

– Можно я у вас немного посижу? – спросил доставщик, когда все коробки были выгружены.

– Мне нечем угостить вас, кроме чашки каффа.

– Сойдет. Я не пил настоящего кофе с того самого дня, как попал сюда. А это было задолго до того, как сюда попали вы, – сказал доставщик, направляясь к сегменту купола, отведенному под пищеблок.

Они сидели за столиком напротив друг друга и пили кафф. За стенкой купола бушевала метановая метель, но все равно внутри было тепло и уютно. Лицо доставщика покрылось капельками пота; судя по всему, установленная Ашером температура казалась ему слишком высокой.

– Вот вы, Ашер, – сказал доставщик, – вы ведь просто валяетесь на своей койке, а вся техника работает на автомате, верно?

– У меня достаточно дел.

– Иногда я начинаю думать, что вся ваша купольная братия... – Доставщик на секунду смолк. – Ашер, а вы знаете женщину из соседнего купола?

– Весьма приблизительно, – пожал плечами Ашер. – Раз в месяц или чуть чаще моя техника передает ей блок информации. Она эту информацию записывает, преобразовывает и передает куда-то дальше. Я так думаю. В общем-то, я ничего толком...

– Она больна, – оборвал его доставщик.

– Больна? – поразился Ашер. – Последний раз, когда мы связывались, она выглядела вполне нормально. Мы с ней говорили по видео. Она еще сказала что-то насчет заморочек с дисплеями, что-то там плохо читалось.

– Она умирает, – сказал доставщик и отхлебнул каффа.

Это слово испугало Ашера, вогнало его в холодную дрожь.

Он попробовал зримо представить себе соседку, но добился лишь того, что перед глазами поплыли какие-то странные образы, сопровождавшиеся слащавой музыкой. Диковатое месиво, подумал он; обрывки сцен и мелодий, подобные обрывкам истлевшего савана, между которых проглядывают белые кости. А эта женщина, она была миниатюрная и с темными волосами, это уж точно. Только как же ее звали?

– Что-то голова совсем не думает, – пожаловался Ашер и приложил ладони к вискам, стараясь себя успокоить. Затем он встал, подошел к главному пульту и постучал по клавиатуре; на дисплее высветилось имя соседки. Райбис Ромми. – Умирает? – спросил он. – От чего? О чем вы, собственно, говорите?

– Рассеянный склероз.

– От этого не умирают. Не такое теперь время.

– Это на Земле не умирают, а здесь очень даже.

– Вот же, мать твою. – Херб Ашер снова сел, его руки тряслись. – А как далеко зашла болезнь?

– Да не то чтобы очень далеко. – Доставщик пристально смотрел на Ашера. – А что это с вами?

– Не знаю. Нервы шалят. Каффа, наверное, перепил.

– Пару месяцев назад она рассказала мне, что когда-то давно у нее была... как это там называется? Аневризма. В левом глазу, в результате чего этот глаз утратил центральное зрение. Врачи подозревали, что это может быть началом рассеянного склероза. А сегодня я тоже говорил с ней, и она пожаловалась на оптический неврит, который...

– А были эти симптомы введены в MED? – вмешался Ашер.

– Ну да, все подходит. Аневризма с последующей ремиссией, а затем новые неприятности с глазами, все вокруг двоится и расплывается... И человек становится таким, очень дерганым.

– У меня тут было на секунду странное, совершенно дикое ощущение, – несмело признался Ашер. – Теперь-то оно прошло. Мне казалось, что все, что тут происходит, уже однажды происходило.

– Вы бы зашли к ней как-нибудь да поговорили, – сказал доставщик. – Вам бы это тоже пошло на пользу, хоть встали бы с койки, ноги бы размяли.

– Не надо мною командовать, – ошетинился Ашер, – не за этим я сбежал сюда из Солнечной системы. Я не рассказывал вам, к чему принуждала меня моя вторая жена? Я должен был подавать ей завтрак в постель, я должен был...

– Когда я пришел к ней со своим контейнером, она плакала.

Ашер встал, постучал по клавиатуре, а затем прочитал на дисплее ответ.

– При рассеянном склерозе вероятность благополучного исхода от тридцати до сорока процентов.

– Только не в здешних условиях, – терпеливо объяснил доставщик. – Здесь MED для нее недоступен. Я посоветовал ей, чтобы попросилась вернуться домой, даже потребовала. Я на ее месте так бы и сделал, ни секунды не раздумывая. А она почему-то отказывается.

– Крыша у нее съехала, – сказал Ашер.

– Вот уж точно, съехала вместе с карнизом. Да здесь и вообще все свихнутые.

– Мне уже это говорили, и не далее как сегодня.

– Если вам еще нужны какие-нибудь доказательства, взгляните на эту женщину. Срази вас какая-нибудь опасная болезнь, разве не стали бы вы проситься домой?

– В общем-то считалось, что мы никогда не оставим своих куполов. Более того, есть даже закон, запрещающий нам вернуться на Землю. Нет, – поправился он, – не совсем запрещающий, для больных сделано исключение. Однако наша работа...

– Ну да, кто бы сомневался – то, что вы здесь записываете, до крайности важно. Ну, скажем, песенки Линды Фокс. А кто вам такое сказал?

– Да какой-то клем, – пожал плечами Ашер. – Клем пришел сюда и сказал, что я сошел с ума, а теперь вы спускаетесь по лестнице и говорите мне то же самое. Меня диагностировал консилиум клемов и доставщиков продовольствия. А вот вы, вы слышите эти слюнявые скрипки или не слышите? Эта музыка везде, в каждой щелке моего купола. Я не могу понять, откуда она идет, и готов от этого свихнуться. Хорошо, будем считать, что я уже свихнулся, так чем же тогда смогу я помочь миссис Ромми? А ведь вы просили меня об этом. Я и сам весь издерганный и свихнутый, какой от меня толк.

– Мне пора двигаться, – сказал доставщик, отодвигая чашку.

– Понятно, – кивнул Ашер. – Эта история про миссис Ромми стала для меня полной неожиданностью.

– А вы бы зашли к ней в гости. Ей нужно с кем-нибудь поговорить, а с кем еще, если не с ближайшим соседом? Даже странно, что она ничего вам не рассказывала.

Я ничего не спрашивал, подумал Херб Ашер, вот она ничего и не рассказывала.

– Да и вообще, – продолжил доставщик, – на этот счет есть закон.

– Какой закон?

– Если обитатель купола находится в опасности, его ближайший сосед...

– Вот вы про что... Понимаете, мне никогда еще не приходилось сталкиваться с подобной ситуацией. И мне как-то в голову... Ну да, есть такой закон. Я просто забыл. А это она вам сказала, чтобы вы мне напомнили?

– Нет, – покачал головой доставщик.

После его ухода Херб Ашер набрал код соседнего купола, начал вводить его в передатчик, но взглянул на стенные часы и остановился. Стрелки приближались к половине седьмого, а именно в этот момент построенного по сорокадвухчасовому циклу расписания один из спутников планеты СУ30 III должен был передать ему сжатый и ускоренный пакет развлекательных программ. В обязанности Ашера входило записать эти программы, прогнать их на нормальной скорости и отобрать по своему вкусу материал, пригодный для использования во всей купольной системе СУ30 II.

Херб Ашер заглянул в расписание. Концерт Линды Фокс продолжительностью в два часа. Линда Фокс, думал он. Ты и твой синтез старомодного рока, современного стренга и лютневой музыки Джона Дауленда. Господи, думал он, если я не запишу, не обработаю и не передам дальше ее концерт, все купальники этой планетки сбегутся на эту горушку и зашибут меня насмерть. Если не считать непредвиденные случаи, которые никогда не случаются, в этом и только в этом состоят мои здешние обязанности: поддерживать межпланетный информационный трафик. Информация связывает нас с домом, сохраняет в нас хоть что-то человеческое. Магнитофонные бобины должны вращаться².

Он настроился на частоту спутника, проверил по визуальному индикатору, что несущая частота проходит сильно и без искажений, запустил ускоренную запись, а затем включил прослушивание принятого сигнала на нормальной скорости. Из подвешенных над пультом колонок зазвучал голос Линды Фокс. Приборы показывали полное отсутствие шума и искажений, баланс по каналам был близок к идеальному. Иногда я слушаю ее, думал он, и почти что плачу. А Линда Фокс пела:

Скитается по свету с давних пор
Мой хор.
В надмирных далях вновь и вновь
Моя любовь.
Пойте мне, о духи без плоти и обличья,

² Аллюзия на название рассказа Р. Хайнлайна «Дороги должны катиться» («The Roads Must Roll»).

Я хочу испить вашего величия.
Мой хор.

А подкладкой к пению Линды Фокс – акустические лютни, бывшие ее фирменным блюдом. Станным образом до нее никому и в голову не приходило вернуть к жизни этот древний музыкальный инструмент, столь успешно использованный Даулендом в его изумительных песнях.

Преследовать? О милости просить?
Доказывать словами? или делом?
Алкать в любви земной восторгов неземных,
Забыв, что неземная отлетела?
Плывут ли в небесах миры, кружат ли луны,
Дающие приют утраченному здесь?
Найду ли сердце, чистое как снег...

Эти переложения старых лютневых песен, сказал он себе, они нас объединяют. Нечто новое и общее для людей, беспорядочно и словно в какой-то спешке разбросанных по Вселенной, ютящихся в куполах на задворках жалких миров, на спутниках и на космических станциях, ставших жертвами насильственного переселения, не видящих впереди ни малейшего проблеска.

Теперь звучала одна из самых любимых его песен:

Иди, убогий путник,
Куда глаза глядят.
Святому делу нужен...

Внезапный шквал помех. Херб Ашер болезненно сморщился и сказал нецензурное слово – пропала целая строчка, а то и больше. И ведь именно на этой песне, подумал он. Но как-то так вышло, что Линда оборвала песню и начала ее сначала:

Иди, убогий путник,
Куда глаза глядят.
Святому делу нужен...

И снова помехи. Он прекрасно знал пропущенную строчку, она звучала следующим образом:

Нежданный вклад.

Вконец разъяренный, Ашер приказал деке проиграть последние десять секунд записи наново; пленка послушно отмоталась назад, остановилась, и куплет прозвучал снова. Последняя строчка утонула в треске помех, однако на этот раз ее слова можно было все-таки разобрать:

Иди, убогий путник,
Куда глаза глядят.
Святому делу нужен
Твой тощий зад.

– Господи! – сказал Ашер и остановил пленку. – Неужели она и вправду так спела? «Твой тощий зад»?

Конечно же, это Ях. Хулиганит, уродует принимаемый сигнал. И далеко не в первый раз.

Это объяснили ему местные клемы, объяснили несколько месяцев тому назад, когда впервые появились странные помехи. В прошлом, до того как в звездной системе СУ30-СУ30В появились люди, туземцы поклонялись некоему горному божеству, обитавшему, как они с уверенностью утверждали, в том самом холме, на котором стоял теперь купол Херба Ашера. Ях периодически досаждал Ашеру, уродуя адресованные ему сигналы ультракоротковолновых и психотронных передатчиков. Когда передач долго не было, Ях высвечивал на экранах мало-понятные, но явным образом разумные огрызки информации. Херб Ашер часами возился со своим оборудованием, пытаясь отстроиться или защититься от этих помех, он читал и перечитывал инструкции, ставил разнообразные экраны, но не добился ровно ничего.

Однако прежде не было случая, чтобы Ях посягал на песни Линды Фокс. То, что произошло сегодня, далеко выходило за рамки терпимого, во всяком случае, так считал Ашер.

Дело в том, что он находился в полной зависимости от Линды Фокс.

Он давно уже жил воображаемой жизнью, напрямую с нею связанной. Эта жизнь протекала на Земле, в Калифорнии, в одном из прибрежных городков юга (местность не совсем определенная). Херб Ашер занимался серфингом, а Линда Фокс восхищалась его ловкостью. Все это сильно смахивало на рекламный ролик какого-нибудь пива. Они целыми днями околачивались на пляже вместе со множеством друзей и подруг; все девушки из их компании смело разгуливали с голой грудью, а переносный приемник был постоянно настроен на радиостанцию, круглосуточно гонявшую рок без перебоев на рекламу.

Но главное – это истинная духовность; гологрудые девушки на пляже были обстоятельством приятным, но не жизненно важным. Важнее всего была высокая духовность. Это просто паразитально, насколько духовной может быть хорошо построенная реклама пива.

А как венец этой духовности – Даулендовы песни. Красота и величие Вселенной таились не в звездах, изначально ей присущих, но в музыке, порожденной умами людей, руками людей, голосами людей. Звуки лютней, смикшированные на хитроумном стенде командой специалистов, и голос Линды Фокс. Я знаю, думал он, что мне никак нельзя раскисать. Моя работа просто восхитительна: я просмотрю весь этот материал, обработаю его, передам всем вокруг, а мне за это еще и заплатят.

– Вы видите Фокс, – сказала Линда Фокс.

Херб Ашер переключил видео на голографию; возник призрачный куб, посреди которого улыбалась Линда Фокс. Тем временем бобины вращались с бешеной скоростью, переводя час за часом передачи в его постоянное владение.

– Ты с Линдой Фокс, – объявила Линда Фокс, – и Линда Фокс с тобой.

Она пронзила его взглядом, взглядом жестких ярко-голубых глаз. Ромбовидное лицо, диковатое и мудрое, диковатое и преданное.

– С тобой говорит Фокс, – сказала она и улыбнулась.

– Привет, Фокс, – улыбнулся Ашер.

– Твой тощий зад, – сказала Фокс.

Ну что ж, вот и объяснение слащавой оркестровой музыки, бесконечного «Скрипача на крыше». Во всем виноват Ях. В купол Херба Ашера просочился местный божок, явно имевший зуб на землян-колонистов за их шумную активность на ультракоротких волнах. Как только я перехожу на прием, думал Херб Ашер, в мою приемную толпой вваливаются боги. Мотать нужно с этой горы, да поскорее. Да и тоже мне называется гора, бугор какой-то, и не более. Пусть Ях возьмет ее назад и подавится. И пусть местные снова подадут ему на обед козлиное

жаркое. Если отвлечься от того обстоятельства, что местные козлы давно передохли, а вместе с ними сдох и ритуал.

А хуже всего то, что принятый пакет развлекательных программ безнадежно загублен. Ашеру не нужно было даже что-то там просматривать, чтобы в этом убедиться. Ях изуродовал сигнал еще до того, как тот достиг записывающих головок; этот случай был далеко не первым, и искажение всегда попадало на пленку.

Так что я могу спокойно сказать «ну и хрен с ним», сказал себе Херб Ашер. И позвонить больной соседке.

Он чуть ли не силой заставил себя набрать ее код.

Время шло, а Райбис Ромми все не спешила и не спешила отозваться на сигнал; кончилась она, что ли? – думал Херб Ашер, глядя на микроэкран своего пульта. А может, ее принудительно эвакуировали?

Микроэкран рябил смутными цветовыми пятнами, а сигнала все не было и не было. А затем появилась Райбис.

– Я вас, часом, не разбудил? – спросил Ашер.

Девушка казалась какой-то вялой, заторможенной. Может, таблетки какие-нибудь глотает, подумал он.

– Нет. Я колола себя в задницу.

– Что? – вздрогнул Ашер. Это что же, снова Ях хулиганит, снова химичит с сигналом? Да нет, она действительно так сказала.

– Хемотерапия, – сказала Райбис. – Последнее время мне что-то плохо.

Какое дикое совпадение, подумал Ашер. «Твой тощий зад» и «колола себя в задницу». Я живу в каком-то странном, перекошенном мире, думал он. Все вокруг выкидывает фортели.

– Я только что записал потрясающий концерт Линды Фокс, – сказал он вслух. – Через день-другой передам его в общую сеть. Это вас немного приободрит.

Заметно распухшее лицо девушки не выказало никакой реакции.

– Жаль, – сказала Райбис, – что мы вынуждены сидеть в своих куполах как приклеенные и не ходим друг к другу в гости. Ко мне сегодня заходил доставщик продовольствия. К слову, это он и принес мне лекарство. Хорошее лекарство, только меня от него тошнит.

Не нужно мне было звонить, подумал Херб Ашер.

– А вы не могли бы ко мне зайти? – спросила Райбис.

– У меня нет воздушных баллонов для скафандра, ни одного нет.

Что было, конечно же, наглой ложью.

– А у меня есть, – сказала Райбис.

– Но если вы больны... – испуганно начал Ашер.

– Уж до вашего купола я как-нибудь доползу.

– Но как же ваше дежурство? Если начнет поступать информация...

– А я возьму с собой переносной сигнализатор.

– Ну хорошо, – сдался Херб Ашер.

– Мне бы очень помогло, если бы кто-нибудь со мной посидел. Доставщик задержался у меня на полчаса, а дальше ему нужно было спешить. И вы знаете, что он мне рассказал? На СУ30 VI была вспышка латерального миотрофического склероза. Похоже, что какой-то вирус. И моя болезнь тоже похожа на вирусную. Господи, мне бы очень не хотелось подхватить латеральный миотрофический склероз. Это похоже на марианский синдром.

– А он не заразный? – опасливо поинтересовался Херб Ашер.

– Моя болезнь вполне поддается лечению, – сказала Райбис, явно пытаясь его успокоить. – Но если тут разгуливает вирус... Ладно уж, лучше я к вам не пойду. А пока что мне стоило бы лечь и поспать, – добавила она и протянула руку к пульта, чтобы выключить пере-

датчик. – Говорят, при этой болезни нужно спать как можно больше. Я свяжусь с вами завтра. До свидания.

– А может, все-таки придете? – спросил Херб Ашер.

– Спасибо, – просветлела Райбис.

– Только не забудьте захватить с собой сигнализатор. У меня есть предчувствие, что скоро пройдет блок телеметрической...

– А ну ее на хрен, всю эту ихнюю телеметрию, – вскинулась Райбис. – Меня уже тошнит от этого проклятого купола. Сидеть тут как на привязи, глядя, как крутятся бобины, на все эти циферки и стрелочки и прочее говно, от этого совсем свихнуться можно.

– Думаю, – сказал Херб Ашер, – вам бы следовало вернуться домой, в Солнечную систему.

– Нет, – качнула головой Райбис. – Я буду лечиться, в точности следуя инструкциям MED, и как-нибудь справлюсь с этим долбаным склерозом. Домой я не поеду, а лучше зайду к вам и приготовлю обед. Я ведь это умею. Мать у меня была итальянка, а отец мексиканец, поэтому я привыкла бухать во всю своюстряпню уйму перца, а здесь никаких специй не достанешь ни за любовь, ни за деньги. Но я поэкспериментировала и научилась кое-как обходиться синтетикой.

– В этом концерте, который я скоро буду передавать, Линда Фокс исполняет новую версию Даулендовой «Преследовать».

– Песня о возбуждении судебного иска?

– Нет, здесь «преследовать» в смысле волочиться, ухаживать за женщиной... – начал было Херб и осекся, запоздало сообразив, что она над ним изгаляется. Над ним и над Линдой.

– А хотите знать, что я думаю об этой Фокс? – спросила Райбис. – Вторичная, заемная сентиментальность, которая во сто раз хуже сентиментальности простодушной. И лицо у нее словно вверх ногами перевернутое. И губы злые.

– А мне она нравится, – отрезал Ашер, чувствуя подступающее к горлу бешенство. И я, значит, должен этой стерве помочь? – спросил он себя. С риском подхватить этот самый вирус, и все для того, чтобы она вот так вот оскорбляла Линду?

– Я накормлю вас бефстрогановом с лапшой и петрушкой, – сказала Райбис.

– В общем-то, я и сам справляюсь с хозяйством, – сухо откликнулся Ашер.

– Так, значит, вы не хотите, чтобы я приходила?

– Я...

– Я очень напугана, мистер Ашер, очень напугана, – продолжила Райбис. – Я точно знаю, что минут через пятнадцать меня стошнит, и все от этого укула. Но я боюсь сидеть в одиночестве. Я не хочу покидать свой купол, и я не хочу сидеть в нем как в камере-одиночке. Простите, если я вас обидела, просто я не могу относиться к этой Фокс серьезно. Она ведь пустое место, придуманное и раскрученное телевидением. И я вам точно обещаю, что больше ни слова о ней не скажу.

– Но неужели вам обязательно... – Он осекся и сказал совсем не то, что хотел сказать: – А вы уверены, что приготовление обеда не слишком вас затруднит?

– Сейчас я сильнее, чем буду потом, – грустно улыбнулась Райбис. – Теперь я долго буду слабеть и слабеть.

– Долго? А как долго?

– Это никому не известно.

Ты умираешь, подумал Херб Ашер. Он это знал, и она это тоже знала, так что не было смысла об этом говорить. Между ними возник некоего рода молчаливый уговор избегать этой темы. Умиравшая девушка хочет приготовить мне обед, думал Ашер. Обед, который не полезет мне в горло. Мне следовало бы отказаться. Мне следовало бы не пускать ее в этот купол.

Настойчивость слабых, думал он, их неодолимая сила. Насколько же проще скрутить в бараний рог кого-нибудь сильного и здорового.

– Спасибо, – сказал он, – я буду очень рад пообедать в вашем обществе. Только обещайте мне поддерживать со мной радиоконтакт все время, пока вы будете идти от купола к куполу, чтобы я знал, что с вами ничего не случилось. Обещаете?

– Ну конечно же обещаю. Но если там что, – улыбнулась она, – меня найдут тут где-нибудь по соседству через сотню лет, нагруженную едой, посудой и синтетическими специями и промерзшую, как ледышка. А у вас ведь есть воздушные баллоны?

– Нет, ну правда же нет.

И он понимал, что его ложь белыми нитками шита.

Глава 3

Еда была вкусная и вкусно пахла, однако Райбис Ромми едва успела ее попробовать; извинившись перед Ашером, она прошла, цепляясь за стенки, из центрального блока купола – его персонального купола – в ванную. Ашер старался не слушать, он настроил свое восприятие, чтобы ничего не слышать, а мысли так, чтобы не знать. Ушедшая в ванную девушка стояла от муки, рвота выворачивала ее наизнанку. Херб Ашер скрипнул зубами, оттолкнул от себя тарелку, а затем встал и включил аудиосистему; купол наполнили звуки раннего альбома Линды Фокс:

Вернись!
К тебе взываю я опять,
Не заставляй меня страдать,
Приди и дай тебя обнять,
Вернись.

Дверь ванной открылась.

– А у вас нет, случаем, молока? – спросила Райбис. На ее бледное, измученное лицо было страшно смотреть.

Ашер молча налил стакан молока, вернее – жидкости, проходившей под названием «молоко» на этой планете.

– У меня есть антирвотное, – сказала Райбис, принимая стакан, – но я забыла захватить с собой. Все таблетки остались там, в моем куполе.

– Я могу посмотреть в аптечке, – сказал Ашер. – Может, что и найдется.

– А вы знаете, что сказал этот МЕД, – возмущенно продолжила Райбис. – Он сказал, что лекарство безвредное, что волосы выпадать не будут, а они у меня уже пучками лезут...

– Хватит, – оборвал ее Ашер. – Хватит, ладно? – И тут же добавил: – Извините.

– Хорошо, – кивнула Райбис. – Я понимаю, что это выводит вас из себя. Обед испорчен, и вы на меня... Ну да ладно. Если бы я не забыла эти таблетки, то смогла бы, наверное, удержаться от... – Она на секунду смолкла. – В следующий раз такого не случится, я вам обещаю. А это один из немногих альбомов Фокс, которые мне нравятся. Начинала она очень хорошо, вы согласны?

– Да, – сухо откликнулся Ашер.

– Линда Бокс, – сказала Райбис.

– Что?

– Линда Бокс. Мы с сестрой только так ее и называли. – Райбис попыталась улыбнуться.

– Вернитесь, пожалуйста, в свой купол, – процедил Херб Ашер.

– Да?... – Райбис машинально поправила волосы, ее рука дрожала. – А вы не могли бы меня проводить? Самой мне, пожалуй, и не дойти, я совсем ослабела. Такая уж это болезнь.

Ты заманиваешь меня к себе, думал Ашер. Именно это сейчас и происходит. Ты не уйдешь одна, ты возьмешь с собой и меня, даже если я с тобой не пойду. И ты это знаешь. Ты это знаешь точно так же, как ты знаешь название своего лекарства, и ты ненавидишь меня точно так же, как ты ненавидишь это лекарство, как ты ненавидишь МЕД и свою болезнь; ненависть, сплошная ненависть ко всему, что только есть под этими двумя солнцами. Я знаю тебя, я понимаю тебя, я вижу, к чему все идет, вижу начало конца.

И, думал он, я ничуть тебя не осуждаю. Но я буду держаться Линды Фокс, Фокс тебя переживет. И я, я тоже тебя переживу. Ты не подстрелишь влет светоносный эфир, вдохновляющий наши души.

Я не отступлюсь от Линды Фокс, и Линда будет держать меня в объятиях и тоже от меня не отступится. Нас не разделят никакие силы. У меня есть десятки часов, десятки часов видео- и аудиозаписей, и эти записи нужны не мне одному, они нужны всем. И ты надеешься, что сможешь все это убить? Такие попытки уже были, и не раз. Сила слабых, думал Херб Ашер, несовершенна, в конечном итоге она терпит поражение. Отсюда и ее имя. Потому мы и зовем ее слабостью.

– Сентиментальность, – сказала Райбис.

– Ну да, – саркастически подтвердил Херб Ашер. – Конечно.

– И вдобавок заемная.

– И путаные метафоры.

– В ее текстах?

– Нет, в том, что я думаю. Когда меня доводят до белого каления, я начинаю путаться...

– Позвольте мне сказать вам одну вещь, – оборвала его Райбис. – Единственную.

Если я собираюсь выжить, сентиментальность для меня не только излишняя роскошь, но и прямая помеха. Я должна быть очень жесткой. Простите меня, если я вас взбесила, но иначе мне было никак. Такая уж у меня жизнь. Если вам придется когда-нибудь попасть в такое же положение, в каком нахожусь сейчас я, вы сами это поймете. Подождите такого случая, а затем уж меня судите. И молитесь, чтобы этого случая не было. А пока что все эти записи, которые вы гоняете через стереосистему, суть не что иное, как дерьмо. Они должны быть дерьмом, для меня. Вам это понятно? Вы можете забыть про меня, можете отослать меня в мой купол, где мне, наверное, и самое место, но если вас хоть что-нибудь со мною связывает...

– О'кей, – кивнул Ашер, – я понимаю.

– Спасибо. А можно мне еще молока? Убавьте звук, и мы закончим наш обед. Хорошо?

– Так вы, – поразился Ашер, – хотите и дальше пытаться...

– Все существа – и виды, – которым надоело пытаться питаться, давно уже покинули этот мир.

Райбис подошла ближе, вцепилась дрожащими пальцами в край стола и села.

– Я вами восхищаюсь.

– Нет, – качнула головой Райбис, – это я вами восхищаюсь. Я понимаю, что вам сейчас труднее.

– Смерть... – начал Ашер.

– Меня волнует совсем не смерть. А вы знаете что? В контрасте с тем, что льется из вашей аудиосистемы? Жизнь, вот что. И молока, пожалуйста, мне оно просто необходимо.

– Что-то я сомневаюсь, – сказал Ашер, доставая молоко, – чтобы можно было сбить влет эфир. Светоносный он там или какой угодно.

– Да уж сомнительно, – согласилась Райбис. – Тем более что он не существует.

– А сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– А вы добровольно эмигрировали?

– Как знать, – пожала плечами Райбис. – Сейчас, в этот момент, я не могу со всей определенностью вспомнить, о чем я тогда думала. Похоже, я ощущала в эмиграции некую духовную компоненту... Передо мной стоял выбор: либо эмигрировать, либо принять сан. Я была воспитана в принципах Научной Легации, однако...

– Партия, – кивнул Ашер. Он все еще пользовался этим старым названием, коммунистическая партия.

– ...однако в колледже я постепенно втянулась в церковную работу. И приняла решение. В выборе между Богом и материальным миром я предпочла Бога.

– Одним словом, вы – католичка.

– Да, ХИЦ. Вы использовали запрещенный термин. И как мне кажется, вполне сознательно.

– А мне это как-то по барабану, – усмехнулся Херб Ашер. – Я-то с церковью никак не связан.

– Может, вам бы стоило почитать К. С. Льюиса.

– Нет уж, спасибо.

– Эта болезнь заставляет меня задумываться... – Она на несколько секунд смолкла. – Все-таки стоит воспринимать все, с чем ты сталкиваешься, в плане широкой, всеобъемлющей картины. Сама по себе моя болезнь кажется злом, но она служит некоей высшей цели, которая недоступна нашему пониманию. Или – пока недоступна.

– Вот потому-то я и не читаю К. С. Льюиса, – заметил Ашер.

– Да, – безразлично откликнулась Райбис. – А это верно, что как раз на этом холме клемы поклонялись какому-то своему божку?

– Да вроде бы да, – кивнул Херб Ашер. – Божку по имени Ях.

– Аллилуйя, – сказала Райбис.

– Что? – удивился Ашер.

– Это значит «славься, Ях». А на иврите – Халлелуйях.

– То есть Ях – это Яхве.

– Это имя нельзя произносить. Его называют священным Тетраграмматомом. Слово «Элохим», являющееся, как ни странно, формой единственного числа, а не множественного, означает «Бог», а несколько дальше в Библии упоминается божественное имя Адонай, из чего можно сконструировать формулу «Господь Бог». Мы можем выбирать между именами Элохим и Адонай или использовать их оба вместе, однако нам строжайше запрещено говорить «Яхве».

– А вот вы сейчас сказали.

– Ну что ж, – улыбнулась Райбис, – никто не совершенен. Убейте меня за страшный грех.

– А вы что, и вправду во все это верите?

– Я просто излагаю факты. Сухие исторические факты.

– Но вы же во все это верите. В смысле, что верите в Бога.

– Да.

– Так это Бог наслал на вас рассеянный склероз?

– Не совсем так... – замаялась Райбис. – Он *допустил* его. Но я верю, что Он меня исцелит.

Просто есть нечто такое, что я должна узнать, и вот таким образом Он меня учит.

– А Он что, не мог найти способ полегче?

– Видимо, нет.

– Этот самый Ях, – заметил Херб Ашер, – вступил со мной в контакт.

– Нет-нет, это какая-то ошибка. Первоначально иудеи верили, что языческие боги существуют, только они не боги, а дьяволы, а потом им стало ясно, что этих богов, или там дьяволов, и вовсе нет.

– А как же сигналы у меня на входе? – спросил Херб Ашер. – А как же мои записи?

– Вы это что, серьезно?

– Еще как.

– А кроме этих клемов здесь замечались какие-нибудь признаки жизни?

– Не знаю, как в других местах, но там, где стоит мой купол, точно да. Это нечто вроде обычных радиопомех, но только уж больно хитрые эти помехи, явно разумные.

– Проиграйте мне какую-нибудь из этих пленок, – сказала Райбис.

– Ради бога.

Херб Ашер подошел к компьютерному терминалу, побегал пальцами по клавиатуре, разыскивая нужную запись; через несколько секунд из динамиков зазвучал голос Линды Фокс:

Иди, усталый путник,
Куда глаза глядят.
Святому делу нужен
Твой тощий зад.

Райбис захихикала.

– Простите, пожалуйста, – сказала она, отсмеявшись. – А вы точно уверены, что это Ях? А вдруг это какой-нибудь шутник с базового корабля или там с Фомальгаута? Уж больно это похоже на Фокс. Не словами, конечно же, а голосом, интонациями. Нет, Херб, никакой это не Бог, просто кто-то над тобою подшутил. В крайнем случае это клемы.

– Заходил тут сегодня один такой, – мрачно заметил Ашер. – Нужно было с самого начала обработать эту планетку нервным газом, вот и не было бы теперь никаких проблем. И вообще, мне казалось, что человек встречается с Богом только после смерти.

– Бог есть Бог народов и истории. Ну и конечно, природы. Судя по всему, первоначально Яхве был вулканическим божеством, но время от времени он ввязывался в историю, примером чему тот случай, когда он вывел евреев из Египта в Землю обетованную.

Евреи были пастухами и привыкли к свободе, лепить кирпичи было для них чистым кошмаром. А фараон заставлял их собирать солому и каждый день выдавать положенную норму кирпичей. Вечная архетипичная ситуация – Бог выводит людей из рабства на свободу. Фигура фараона символизирует всех тиранов всех времен и народов.

Голос Райбис звучал спокойно и убедительно, Ашер невольно проникся к ней уважением.

– Одним словом, – подытожил он, – человек может встретиться с Богом не только после смерти, но и при жизни.

– При исключительных обстоятельствах. Первоначально Бог разговаривал с Моисеем как человек с человеком.

– И что же потом разладилось?

– В каком смысле разладилось?

– Почему никто больше не слышит Божьего гласа?

– Вот ты же слышал, – улыбнулась Райбис.

– Ну не то чтобы я, его услышала моя аппаратура.

– Все-таки лучше, чем ничего. Но тебя это вроде не очень-то радует.

– Он вламывается в мою жизнь, – напомнил Ашер.

– Вламывается, – согласилась Райбис. – А теперь еще и я вломилась.

Это было правдой, и Ашер не нашел что возразить.

– А чем ты обычно занимаешься? – спросила Райбис. – На что ты тратишь время? Лежишь на койке и слушаешь эту свою Фокс? Доставщик рассказывал мне про твою жизнь, я ему даже не сразу поверила. Как-то это не очень похоже на жизнь.

В Ашере шевельнулась вялая, усталая злость – ему до смерти надоело оправдывать свой образ жизни. Он снова промолчал.

– Я придумала, что я дам тебе почитать, – сказала Райбис. – Льюисову «Проблему боли». В этой книге он...

– Я читал «Молчаливую планету», – оборвал ее Ашер.

– И тебе понравилось?

– Да, в общем-то, да.

– А еще тебе следует прочитать «Письма Баламута». У меня она есть. Даже два экземпляра.

Зачем мне читать эти книги, думал Ашер. Глядя, как ты постепенно умираешь, я узнаю о Боге гораздо больше.

– Послушай, – сказал он, – я член Научной Легации. Член партии, тебе это понятно? Это мой выбор, и выбор вполне сознательный. Нет никакого резона осмысливать болезни и страдания, их нужно попросту искоренять. Нет никакой загробной жизни, и Бога тоже нет. Не считать же Богом ионосферное возмущение, настырно лезущее в мою аппаратуру и стремящееся сжить меня с этой сраной горки. Если после смерти окажется, что я ошибался, я оправдаюсь невежеством и трудным детством. А пока что меня больше волнуют проблемы экранировки и защиты от помех, чем беседы с этим Яхом. У меня есть уйма других занятий и нету козла, чтобы принести ему в жертву. Мне очень жаль погибшие записи Линды Фокс, они для меня бесценны, и я не знаю, когда удастся их заменить. И Бог не вставляет в прекрасные песни выраженьица вроде «твой тощий зад»; лично я не могу себе представить такого Бога.

– Он пытается привлечь твоё внимание, – сказала Райбис.

– А к чему такие сложности? Почему Он не скажет попросту: «Слушай, давай поговорим»?

– Скорее всего, здесь обитали некие экзотичные существа, совершенно не похожие на нас. Их Бог мыслит не так, как мы.

– Зараза он, а не Бог.

– А может статься, – задумчиво сказала Райбис, – Он является тебе подобным образом, чтобы тебя защитить.

– Защитить? От чего?

– От него. – Неожиданно для Ашера девушка содрогнулась всем телом, по её лицу пробежала гримаса боли. – Черти бы драли эту болячку! А тут еще и волосы лезут. – Она неуверенно, с явным трудом поднялась на ноги. – Мне нужно вернуться в свой купол и надеть парик, чтобы выглядеть хоть немного поприличнее. Ужас какой-то. А ты не мог бы меня проводить? Пожалуйста.

Не понимаю, подумал Херб Ашер, как женщина, у которой пачками выпадают волосы, может верить в Бога.

– Я не могу, – сказал он. – Ты уж извини, но никак не могу. И баллонов нет, и за оборудованием нужно присматривать. Ты только чего не подумай, это честно.

Райбис вскинула на него глаза и убито кивнула; похоже, она поверила. Ашера кольнуло чувство вины, но оно было тут же смыто нахлынувшим облегчением. Она уходила, ему не нужно будет с ней общаться, это бремя с него снято, пусть даже на время. А если повезет, временное облегчение может превратиться в постоянное. Если бы он умел молиться, он молился бы сейчас, чтобы она никогда, никогда больше не вошла в его купол. Не вошла бы до конца своей жизни. Довольный и успокоенный, он смотрел, как она надевает скафандр, готовясь в обратный путь. И в мыслях уже решал, какую пленку Линды Фокс он извлечет из своей сокровищницы, когда уйдет наконец Райбис с ее малоприятными шуточками и подкалываниями и он вновь обретет свободу, свободу быть тонким знатоком и преданным ценителем неувядающей красоты. Красоты и совершенства, к которым стремится все сущее: Линды Фокс.

А той же ночью, когда он лежал на койке и спал, некий голос негромко его окликнул:

– Херберт, Херберт³.

Ашер открыл глаза.

– Сейчас не мое дежурство, – сказал он, решив, что это базовый корабль. – Сейчас дежурит девятый купол. Дайте мне спокойно поспать.

– Взгляни, – сказал голос.

Он взглянул – и увидел, что панель, управлявшая всем его коммуникационным оборудованием, объята пламенем.

³ Двойное обращение – намек на то, как Господь обращался к Моисею из неопалимой купины.

– Боже милосердный, – пробормотал Ашер и потянулся к тумблеру, включавшему аварийный огнетушитель. Но тут же замер, осознав нечто неожиданное. И крайне загадочное. Управляющая панель горела – но не сгорала.

Огонь ослеплял его, грозил выжечь ему глаза; Херб Ашер плотно зажмурился и заслонил лицо рукой.

– Кто это? – спросил он.

– Это Яхве, – сказал голос.

– Да? – поразился Херб Ашер. Это был бог горы, и он говорил с ним напрямую, без посредства электроники. На него накатило странное чувство собственного убожества, никчемности, и он не смел открыть лицо. – Что тебе нужно? – спросил он. – В смысле, что сейчас же поздно. По графику мне полагается спать.

– Не спи более, – сказал Ях.

– У меня был трудный день, – пожаловался Ашер; его все больше охватывал страх.

– Я велю тебе взять на себя заботы об этой больной девушке, – сказал Ях. – Она сейчас совсем одна. Поспешай к ней, иначе я сожгу твой купол и всю технику, какая в нем есть, а вместе с ней и все твое имущество. Я буду опалить тебя пламенем, пока ты не пробудишься. Ты думаешь, Херберт, что ты пробудился, но ты еще не пробудился, и я заставлю тебя пробудиться. Я заставлю тебя подняться с постели и прийти к ней на помощь. Позднее я скажу и ей, и тебе, зачем это нужно, но пока что вам не должно знать.

– Мне кажется, что ты обратился не по адресу, – сказал Херб Ашер. – Тебе бы следовало поговорить с MED, это по их части.

В тот же момент его ноздри наполнились едкой вонью. Взглянув из-под руки, он с ужасом обнаружил, что управляющая панель полностью выгорела, превратилась в горстку шлака.

Вот же, мать твою, подумал он.

– Буде ты вновь солжешь ей про переносный воздух, я причину тебе ужасающие, непоправимые повреждения, точно так же, как я нанес непоправимые повреждения этой технике. А сейчас я уничтожу все твои записи Линды Фокс.

В тот же момент стеллаж, на котором Херб Ашер хранил свои пленки, ярко вспыхнул.

– Не надо, – пробормотал он в ужасе. – Не надо, ну пожалуйста.

Пламя исчезло, пленки остались неповрежденными. Херб Ашер встал с койки, подошел к стеллажу, тронул его рукой и вскрикнул от боли – стеллаж потух, но отнюдь не остыл.

– Тронь его снова, – сказал Ях.

– Я не буду, – замотал головой Ашер.

– Уповай на Господа твоего Бога.

Ашер опасливо протянул руку, и на этот раз стеллаж оказался холодным. Он пробежался пальцами по пластиковым коробкам, в которых хранились пленки. Они тоже были холодными.

– Ну дела, – пробормотал он в растерянности.

– Проиграй одну из записей, – сказал Ях.

– Какую?

– Любую.

Ашер взял первую попавшуюся пленку, поставил ее на деку и включил аудиосистему.

Тишина.

– Ты стер все мои записи Линды Фокс, – возмутился он.

– Да, я так и сделал, – подтвердил Ях.

– Навсегда?

– До той поры, когда ты придешь к одру изнемогающей девушки и возьмешь на себя о ней заботу.

– Прямо сейчас? Но она же, наверное, спит.

– Она сидит и плачет, – сказал Ях.

Ощущение собственного убожества и никчемности накатило на Ашера с удвоенной силой; стыд не менее жгучий, чем пламя, заставил его зажмуриться.

– Мне жаль, что так вышло, – пробормотал он убитым голосом.

– Еще не поздно. Если ты поспешишь, то поспеешь ко времени.

– Это в каком же смысле – ко времени?

Ях не ответил, но в сознании Херба Ашера появилась цветная картина, напоминавшая голограмму. Райбис Ромми, одетая в синий халат, сидела за кухонным столом; перед ней стояли пузырек с таблетками и стакан воды. На лице Райбис застыло отрешенное выражение. Она сидела, низко согнувшись и положив подбородок на сжатый кулак, другая ее рука нервно сжимала скомканный носовой платок.

– Я сейчас, только скафандр достану, – сказал Херб Ашер; он рванул расположенную рядом со шлюзом дверцу, и оттуда на пол вывалился скафандр, месяц за месяцем стоявший в своем пенале без применения.

Ашер надел скафандр в рекордно короткое время. Уже через десять минут он стоял рядом со своим куполом, луч его фонаря плясал по засыпанному метановым снегом склону; он дрожал от холода, хотя и понимал, что этот холод – чистейшая иллюзия, что материал скафандра обеспечивает стопроцентную термоизоляция. Веселенькая история, думал он, торопливо спускаясь по склону, – поспать не удалось, вся аппаратура сгорела, пленки начисто стерты.

Сухой, рассыпчатый метан скрипел у него под ногами; он шел, ориентируясь по радиомаяку купола Райбис Ромми. Ашера не оставляли мысли о внезапно явившейся ему сцене. О девушке, явно собравшейся свести счеты с жизнью. Хорошо, думал он, что Ях меня разбудил. Нужно надеяться, что я доберусь туда вовремя и не дам ей ничего такого сделать.

Но страх не оставлял Херба Ашера, и, чтобы себя подбодрить, он напевал, спускаясь по склону, старый коммунистический марш:

Seine Heimat muß er lassen,
Weil er Freiheitskämpfer war.
Auf Spaniens blugt'gen Straßen,
Für das Recht der armen Klassen
Starb Hans, der Kommissar,
Starb Hans, der Kommissar.

Kann dir die Hand drauf geben,
Derweil ich eben lad'
Du bleibst in unserm Leben,
Dem Feind wird nicht vergeben,
Hans Beimler, Kamerad,
Hans Beimler, Kamerad⁴.

Немецкого языка он не знал, так что марш превращался фактически в заклинание.

⁴ Дословно: Родина его изгнала, / Потому что он был борцом за свободу. / На залитых кровью улицах Испании / За права беднейших классов / Пал комиссар Ганс, / Пал комиссар Ганс. / Я клянусь тебе, / Заряжая винтовку, / Ты останешься в нашей жизни, / Враг не получит прощенья, / Товарищ Ганс Баймлер, / Товарищ Ганс Баймлер. Ганс Баймлер – комиссар немецкого батальона «Тельман», входившего в состав XII интербригады, погиб в декабре 1936 г. при обороне Мадрида. Рафаэль Альберти посвятил ему стихотворение «Товарищ Ганс Баймлер», на основе которого появилась (на немецком языке) народная песня, несколько переделанная потом Эрнстом Бушем. Здесь – второй и четвертый куплеты этой песни.

Глава 4

Приводной сигнал, по которому ориентировался Ашер, быстро нарастал. Чтобы попасть в мой купол, думал он, ей пришлось преодолеть этот склон. Ей пришлось подниматься в гору, потому что я не захотел приподнять свою задницу. Я заставил больную девушку карабкаться по круче с полными руками посуды и продуктов. Лизать мне горячие сковородки до скончания веков. Но еще не поздно все исправить, думал он. Ях заставил меня отнестись к ней серьезно, ведь я не принимал ее всерьез, не принимал, и все тут. Вел себя так, словно она не больная, а только притворяется. Рассказывает сказки, чтобы привлечь к себе внимание. Ну и как же это характеризует меня? – спросил он себя. Ведь я не мог не понимать, что ничего она не симулирует, а и вправду больна, тяжело больна. А я лег себе и спокойно уснул. А пока я спал, эта девушка готовилась умереть.

А затем он снова подумал о Яхе и расстроился окончательно. Восстановить аппаратуру будет не так уж и трудно, думал он. Аппаратуру, которую он сжег. Всего-то и нужно будет, что связаться с базовым кораблем и сообщить им, что все тут у меня сторело. А что до пленок, то Ях обещал их восстановить, и нет никакого сомнения, что он сумеет это сделать. Но мне будет нужно вернуться в этот купол и снова в нем жить. А как я смогу там жить? Я не смогу там жить. Это никак невозможно.

У Яха есть на меня виды, с ужасом подумал Ашер. Он может принудить меня к чему угодно.

Райбис приняла его с полным безразличием; на ней был тот самый синий халат, и она все еще комкала в руке носовой платок, глаза у нее были красные и подпухшие.

– Заходи, – сказала она, хотя Ашер был уже в куполе. – Я тут как раз про тебя думала, сидела и думала.

На кухонном столе стоял пузырек с таблетками. Полный.

– А, это, – отмахнулась она. – Бессонница, вот я и думала, не принять ли снотворное.

– Убери их, – приказал Ашер.

Райбис беспрекословно встала и отнесла пузырек в ванную.

– Я должен перед тобой извиниться.

– Да не за что тут извиняться. Ты хочешь пить? И вообще, сколько сейчас времени? – Райбис взглянула на стенные часы. – Да, в общем, это не важно, все равно я не спала и ты меня не разбудил. Тут сейчас передают какую-то телеметрию. – Она кивнула в сторону пульта; мигающие лампочки показывали, что идет прием.

– Да я не про то, – смущенно сказал Херб Ашер. – У меня были баллоны с воздухом.

– Я знаю, они же у всех есть. Садись, а я заварю чай. – Райбис принялась копаться в кухонном ящике, из которого лезло наружу все его содержимое. – Где-то тут были пакетики.

Только сейчас он заметил, что творится в ее куполе. Это был чистый кошмар. Грязные тарелки, кастрюли и миски и даже стаканы с плесневелыми объедками, во всех углах грязная одежда, мусор и грязь, грязь, грязь... Он хотел было предложить свою помощь в уборке, но не стал, опасаясь, что это будет невежливо. А Райбис двигалась очень медленно, с очевидным трудом, и Ашера вдруг осенило, что ее болезнь куда тяжелее, чем мог он подумать.

– У меня тут полный свиарник, – вздохнула Райбис.

– Ты очень устала, – отвел глаза Ашер.

– Устанешь тут, когда все кишки наружу выворачивает по несколько раз на дню. Ну вот, нашелся пакетик, только... вот же зараза, он уже использованный. Я их завариваю, а потом подсушиваю. Если сделать так один раз, то все нормально, но иногда я забываю и раз за разом завариваю один и тот же пакетик. Я все-таки постараюсь найти свежий, – сказала она, продолжая копаться в ящике.

На экране телевизора яростно пульсировал огромный, налившийся кровью пузырь.

– Что это ты тут смотришь? – спросил Ашер, отводя глаза от мультипликационного ужастика.

– Сейчас там должен быть новый сериал, он как раз вчера начался. «Величие...», вечно я все забываю. Кого-то или чего-то. Очень интересно, только они там почему-то все время бегают.

– Ты любишь сериалы? – спросил Ашер.

– Одной сидеть скучно, а так все-таки компания.

Кровавый пузырь исчез, сменившись кадрами сериала, и Ашер прибавил звук. Бородатый старик, на редкость волосатый старик, сражался с двумя лупоглазыми пауками, явно вознамерившимися откусить ему голову.

– А ну, уберите от меня свои долбаные мандибулы! – орал старик, размахивая руками.

Экран зажегся вспышками лазеров; Херб Ашер вспомнил сожженную аппаратуру, вспомнил Яха, и неясное предчувствие сжало его сердце.

– Если ты не хочешь смотреть... – начала Райбис.

– Да не в этом дело. – Следовало рассказать ей про Яха, но Ашер не знал, как к этому подступиться. – Со мной тут случилась одна история. Меня разбудило нечто непонятное. – Он потер слипающиеся глаза.

– Я расскажу тебе, что там было раньше, – предложила Райбис. – Элиас Тейт...

– Какой еще Элиас Тейт? – прервал ее Ашер.

– Бородатый старик. Теперь я вспомнила, как называется эта передача. «Величие Элиаса Тейта». Элиас попал в руки – хотя у них, конечно же, нет никаких рук – гигантских муравьев с Синхрона-Второго. У них там есть матка, жутко злобная, и звать ее... я забыла. – Райбис на секунду задумалась. – Худвиллуб вроде бы. Ну да, именно так. И эта самая Худвиллуб хочет смерти Элиаса Тейта. Она очень мерзкая, ты это сам увидишь. И глаз у нее только один.

– Подумать только, – лицемерно ужаснулся Ашер, которого эта история ничуть не заинтересовала. – Райбис, я хочу тебе все-таки рассказать.

Однако Райбис его не слышала – или не хотела слышать.

– Так вот, – продолжала она, захлебываясь словами, – у Элиаса есть этот самый его друг Элайша Маквейн, они очень близкие друзья и всегда выручают друг друга. Это ну вроде как... – Она скользнула взглядом по Ашеру. – Вроде как ты и я, мы же помогаем друг другу. Я приготовила тебе обед, а ты сюда пришел, потому что начал обо мне беспокоиться.

– Я пришел, – сказал Херб Ашер, – потому что мне было приказано.

– Но ведь ты же беспокоился.

– Да, – кивнул он.

– Элайша Маквейн младше Элиаса, гораздо младше. Он очень симпатичный. Как бы там ни было, Худвиллуб хочет, чтобы...

– Меня послал Ях, – оборвал ее Ашер.

– Куда послал?

– Сюда.

В его ушах отдавались удары пульса.

– Правда? Ну надо же. Так вот, эта Худвиллуб, она очень красивая. Она должна тебе понравиться. Я в том смысле, что тебе понравится ее внешность. Я сбивчиво говорю и сейчас попробую объяснить тебе получше. Так вот, физически она очень привлекательна, а духовно – полное ничтожество. И она воспринимает Элиаса Тейта как нечто вроде своей экстернализированной совести. Ты с чем будешь чай?

– Так ты слышала... – начал он и бессильно замолк.

– С молоком? – Райбис изучила содержимое своего холодильника, достала коробку молока, налила молоко в чашку, попробовала его и скривилась. – Прокисло. Вот же черт, – сказала она, выливая молоко в раковину.

– Я пытаюсь рассказать тебе очень важную вещь, – сказал Ашер. – Бог моей горушки разбудил меня посреди ночи и сказал, что с тобой творится неладное. Он сжег половину моей аппаратуры, а к тому же постирал все записи Линды Фокс.

– Ты можешь заказать их еще раз, базовый корабль не откажет. А почему ты так смотришь? – добавила Райбис и проверила пальцами пуговицы своего халата. – У меня что, не все в порядке?

Халат-то твой в порядке, подумал Ашер, а вот насчет головы дело темное.

– Сахар? – предложила Райбис.

– Да, спасибо, – кивнул Ашер. – И я должен известить командира базового корабля, это очень серьезное дело.

– Извести, – поддержала его Райбис. – Свяжись с командиром и сообщи ему, что с тобою беседовал Бог.

– А можно мне воспользоваться твоей аппаратурой? Заодно я доложу, что моя аппаратура сгорела. Это послужит хорошим доказательством.

– Нет, – качнула головой Райбис.

– Нет? – изумился Ашер.

– Это индукция, а любое индуктивное рассуждение чревато ошибками. Нельзя определять причины по следствиям.

– Что это ты там несешь?

– Фактически ты заявляешь: «У меня сгорела аппаратура, значит, Бог существует», но такая логика совершенно порочна. Вот смотри, я распишу тебе это в символической форме. Если, конечно, найду свою ручку. Помоги мне искать, она такая красная. В смысле ручка красная, а чернила в ней черные. Это потому, что я...

– Слушай, стихи ты хоть на минуту. Хоть на одну-единственную долбаную минуту. Чтобы я мог подумать. Хорошо? Ты сделаешь мне такое одолжение?

Ашер с удивлением обнаружил, что его голос поднялся почти до крика.

– Там снаружи кто-то есть, – сказала Райбис, указывая на торопливо моргавший индикатор. – Какой-нибудь клем ворует мой мусор. Я держу весь свой мусор снаружи. Это потому, что...

– Давай-ка запустим клема сюда, и я ему все расскажу.

– О чем расскажешь? О Яхе? Давай. И они тут же облепят твою горушку, начнут приносить там жертвы, будут денно и ночью молиться Яху и советоваться с ним по всем вопросам, и ты не будешь знать ни минуты покоя. Ты не сможешь больше лежать на своей койке и слушать Линду Фокс. Ну вот, наконец-то закипело.

Райбис поставила на стол две чашки и налила в них кипятка. Ашер набрал номер базового корабля и уже через секунду услышал отзыв дежурного контура.

– Я хочу, – сказал он, – доложить о контакте с Богом. Мой доклад предназначен командиру лично, и только ему. Около часа назад со мной беседовал Бог. Туземное божество по имени Ях.

– Секундочку. – Долгая пауза, а затем дежурный контур спросил: – А это, случаем, не фэн Линды Фокс? Станция пять?

– Да, – подтвердил Ашер.

– У нас имеется запрошенная вами видеозапись «Скрипача на крыше». Мы пытались передать ее на ваш купол, однако обнаружили, что ваша приемно-передающая аппаратура вышла из строя. Мы известили об этом ремонтников, они придут к вам в самое ближайшее

время. В записи участвовала первоначальная группа, в том числе Тополь, Норма Крейн, Молли Пайкон...

Ашер почувствовал, что Райбис дергает его за рукав.

– Подождите минуту, – сказал он дежурному контуру и повернулся к Райбис: – В чем дело?

– Там снаружи человек, я его видела. Нужно что-то делать.

– Я перезвоню, – сказал Ашер в микрофон и прервал связь.

Райбис включила наружные прожекторы, и Ашер увидел в иллюминатор странную фигуру – человека, одетого не в стандартный скафандр, а в нечто вроде мантии – очень тяжелой мантии – и кожаный передник. Его грубые сапоги выглядели так, словно их много раз чинили, и даже шлем у него был какой-то допотопный.

А это-то что за чучело? – спросил себя Ашер.

– Слава богу, что я тут не одна, – сказала Райбис, доставая из прикроватной тумбочки пистолет. – Я его застрелю. Позови его через матюгальник, чтобы зашел, а потом постарайся не лезть под пули.

Ну вот, подумал Ашер, все походили с ума.

– Да зачем это? – спросил он вслух. – Не пускай его, да и дело с концом.

– Хрен там с концом! Он просто будет ждать, пока ты уйдешь. Скажи ему, чтобы зашел внутрь. Если мы сразу его не прикончим, он меня изнасилует, а потом нас обоих убьет. Ты что, не понимаешь, кто это такой? А я понимаю, я догадалась по этому балахону. Это бродячий дикарь. Да тебе хоть известно, что они такое, эти бродячие дикари?

– Я знаю, кто такие бродячие дикари.

– Они бандиты! – взвизгнула Райбис.

– Они отступники, – поправил ее Ашер. – Они не хотят жить в куполах.

– Бандиты, – сказала Райбис и сняла пистолет с предохранителя.

Ашер уже не знал, смеяться ему или плакать. Воинственная, пылающая негодованием Райбис стояла напротив двери шлюза, на ней были синий купальный халатик и пушистые тапочки, в жидких волосах торчали бигуди.

– Я не хочу, чтобы он здесь ошивался! – орала она. – Это мой купол! Если ты ничего не сделаешь, я свяжусь с базовым кораблем, и пусть они присылают сюда копов.

– Эй ты, – сказал Ашер, включив микрофон внешних динамиков.

Бродячий дикарь поднял голову, зажмурился от слепящего света прожекторов, заслонил глаза, а затем помахал рукой в направлении иллюминаторов и широко ухмыльнулся. Густо обросший волосами старик с морщинистым, задубевшим от ветра и холода лицом, он смотрел прямо на Ашера.

– Кто вы такой? – спросил Ашер.

Губы старика зашевелились, но Ашер ничего не услышал – внешние микрофоны то ли были выключены, то ли вообще не работали.

– Не стреляй в него, пожалуйста, ладно? – сказал он, повернувшись к Райбис. – Сейчас я пушу его внутрь. Мне уже в общем понятно, кто он такой.

Райбис медленно, словно с некоторым сомнением, поставила пистолет на предохранитель.

– Заходите, – пригласил Ашер. Он включил механику шлюза, изолирующая мембрана упала в пазы, бродячий дикарь шагнул вперед и исчез в переходном отсеке.

– Так кто он такой? – спросила Райбис.

– Элиас Тейт.

– А-а, так, значит, этот сериал совсем и не сериал. – Райбис повернулась к экрану телевизора. – Психотронная передача информации, вот что это было. Что-то тут перепуталось с

программами и кабелями. И вообще как-то все странно, мне казалось, что эта передача идет уже очень давно.

Перепонка вспучилась, лопнула, и в купол вошел Элиас Тейт, лохматый, седой и очень довольный, что попал с ледящего холода в тепло. Он стряхнул с себя метановые снежинки, снял шлем и начал высвобождаться из длинного, тяжелого балахона.

– Ну как ты тут? – спросил он у Райбис. – Получше? Этот осел, он хорошо о тебе заботился? Если нет, его задницу ждут большие приключения.

Вокруг Тейта, как вокруг ока бури, завивался холодный ветер.

– Да, я новенький, – сказал Эммануил девочке в белом платье. – Только я не понимаю, где я.

Бамбук шелестел, дети играли. Мистер Плаудет смотрел на мальчика и девочку.

– Ты знаешь меня? – спросила девочка.

– Нет, – сказал мальчик.

Он ее не знал, и все же она казалась знакомой. У нее было маленькое бледное лицо и длинные черные волосы. И глаза, подумал Эммануил. Очень древние глаза. Мудрые.

– Когда я родилась, еще не было океана, – еле слышно сказала девочка. Она замолкла на момент, внимательно в него вглядываясь, чего-то ожидая, возможно – отклика, но в точности он этого не знал. – Я появилась в незапамятные времена, – продолжила девочка. – В самом начале, задолго до само́й Земли.

– Ты бы назвала ему свое имя, – укоризненно сказал мистер Плаудет. – Ведь нужно же представиться.

– Я Зина, – сказала девочка.

– Эммануил, – сказал мистер Плаудет, – это Зина Паллас⁵.

– Я ее не знаю, – произнес Эммануил.

– Вы бы поиграли, покачались на качелях, – предложил мистер Плаудет, – а мы тут пока с мистером Тейтом поговорим. Ну, давайте. Идите.

Элиас подошел к мальчику, наклонился и гневно спросил:

– Что она только что сказала? Эта девочка, Зина, что она тебе сказала?

Эммануил молчал, он прожил со стариком всю свою жизнь и привык к его вспышкам.

– Я ничего не расслышал, – настаивал Элиас.

– Ты начинаешь глохнуть, – заметил Эммануил.

– Нет, – возмутился Элиас. – Это она понизила голос.

– Я не сказала ничего такого, что не было бы сказано давным-давно, – вмешалась Зина.

Элиас кинул на нее озадаченный взгляд.

– А кто ты по национальности? – спросил он ее.

– Пошли, – позвала Зина.

Она взяла Эммануила за руку и повела его прочь; они уходили в полном молчании.

– Это хорошая школа? – спросил Эммануил, когда взрослые остались далеко позади.

– Нормальная, только компьютеры допотопные. И еще правительство за всем здесь следит. Здешние компьютеры – это правительственные компьютеры, нужно все время об этом помнить. А сколько лет мистеру Тейту?

– Очень много, – сказал Эммануил. – Тысячи четыре, как мне кажется. Он уходит и снова возвращается.

– Ты уже видел меня раньше, – сказала Зина.

– Нет, не видел.

– У тебя пропала память.

⁵ Паллас – английская транскрипция имени Афины Паллады.

– Да, – подтвердил Эммануил, удивленный, что ей это известно. – Элиас говорит, что она еще вернется.

– Твоя мама умерла? – спросила Зина. Эммануил молча кивнул. – А ты можешь ее видеть?

– Иногда.

– Подключись к отцовским воспоминаниям. Тогда ты сможешь быть с ней в ретровремени.

– Может быть.

– У него там все рассортировано.

– Я боюсь, – сказал Эммануил. – Из-за той аварии. Я думаю, они устроили ее нарочно.

– Конечно же нарочно, но им был нужен ты, даже если сами они этого не знали.

– Они могут убить меня теперь.

– Нет, – качнула головой Зина, – им ни за что тебя не найти.

– А почему ты это знаешь?

– Потому что я та, которая знает. Я буду знать для тебя, пока ты не вспомнишь, и даже потом я останусь с тобой. Ты всегда этого хотел. Я была при тебе художницей, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом твоим все время, веселясь на земном круге твоим, и когда ты завершил, моя первейшая радость была с ними.

– Сколько тебе лет? – спросил Эммануил.

– Больше, чем Элиасу.

– Больше, чем мне?

– Нет, – сказала Зина.

– Но ты выглядишь старше меня.

– Это потому, что ты забыл. Я здесь, чтобы помочь тебе вспомнить, но ты не должен говорить про это никому, даже Элиасу.

– Я все ему говорю.

– Только не про меня, – сказала Зина. – Не говори ему про меня, ничего не говори. Ты должен мне обещать. Если ты расскажешь про меня хоть кому-нибудь, правительство узнает.

– Покажи мне компьютеры.

– Да вот они, здесь. – Зина ввела его в большую комнату. – Их можно спрашивать о чем угодно, но они дают подстроенные ответы. Может быть, ты сможешь их перехитрить. Я люблю их перехитрить. В общем-то, они совсем глупые.

– Ты умеешь делать чудеса, – сказал Эммануил.

– Откуда ты знаешь? – улыбнулась Зина.

– Твое имя. Я знаю, что оно значит.

– Так это же просто имя.

– Нет, – сказал Эммануил, – Зина не просто твое имя. Зина – это то, что ты есть.

– Скажи мне, что это такое, – попросила девочка, – только очень тихо. Я это знаю, но если и ты это знаешь, значит, твоя память понемногу возвращается. Но только осторожно, государство все подсматривает и подслушивает.

– Только сперва ты сделай чудо, – попросил Эммануил.

– Они могут узнать, правительство может узнать.

Эммануил пересек комнату и остановился перед клеткой с кроликом.

– Нет, – сказал он, помолчав. – Не это. А есть тут какое-нибудь другое животное, каким ты смогла бы быть?

– Осторожнее, Эммануил, – остерегла его Зина.

– Или птица, – предложил Эммануил.

– Кошка, – сказала Зина. – Подожди секунду. – Она постояла, беззвучно шевеля губами, и вскоре в комнату вошла серая полосатая кошка. – Хочешь, я буду этой кошкой?

– Я хочу сам стать кошкой, – сказал Эммануил.

– Кошка когда-нибудь умрет.

– Ну и пусть себе умирает.

– Почему?

– Для того они и созданы.

– Был такой случай, – сказала Зина, – когда теленок, которого собирались зарезать, прибежал для защиты к рабби и спрятал голову между его коленями. «Уходи! – сказал рабби. – Для того ты и создан». В смысле, что ты создан, чтобы быть зарезанным.

– А потом? – заинтересовался Эммануил.

– Бог подверг этого рабби долгим и тяжким страданиям.

– Понимаю, – кивнул Эммануил. – Ты меня научила. Я не хочу быть кошкой.

– Тогда кошкой буду я, – сказала Зина, – и она не умрет, потому что я не такая, как ты.

Она наклонилась, оперев руки в колени, и стала общаться с кошкой. Эммануил стоял и смотрел, и через некоторое время кошка подошла к нему и попросила разрешения с ним поговорить. Он взял ее на руки, и кошка тронула лапкой его лицо. Она рассказала ему лапкой, что мыши очень докучливы, но она не хочет, чтобы их совсем не стало, потому что кроме докучливости в них есть и нечто увлекательное, и увлекательного в них больше, чем докучливого, и кошка постоянно ищет мышей, хотя она их и не уважает. Кошка хочет, чтобы были мыши, – и в то же время кошка презирает мышей.

Кошка сообщила все это мальчику лапкой, положенной на его щеку.

– Понятно, – сказал Эммануил.

– Так ты знаешь, где сейчас мыши? – спросила Зина.

– Ты кошка, – сказал Эммануил.

– Ты знаешь, где сейчас мыши? – повторила Зина.

– Ты что-то вроде машины, – сказал Эммануил.

– Ты знаешь...

– Тебе придется поискать их самостоятельно.

– Но ты же можешь мне помочь. Ты можешь гнать их в мою сторону.

Девочка приоткрыла рот и оскалила зубы, Эммануил рассмеялся.

Лапка, лежавшая на его щеке, передала ему еще одну мысль – что в здание вошел мистер Плаудет. Кошка слышала его шаги. Опустит меня на пол, сказала кошка.

Эммануил опустил кошку на пол.

– Так есть тут где-нибудь мыши? – спросила Зина.

– Перестань, – сказал Эммануил. – Здесь мистер Плаудет.

– О, – кивнула Зина.

– Я вижу, ты нашел нашу Дымку, Эммануил, – сказал мистер Плаудет, входя в комнату. – Хорошая животинка, правда? Зина, что это с тобой? Что ты так на меня уставилась?

Эммануил рассмеялся – Зине было очень трудно выпутать себя из кошки.

– Осторожнее, мистер Плаудет, – сказал он, продолжая смеяться. – Зина может вас оцарапать.

– Ты хотел сказать «Дымка», – поправил его мистер Плаудет.

– Мой мозг повредился, но все же не настолько. Я... – Эммануил замолчал, потому что так ему велела Зина.

– Понимаете, мистер Плаудет, – сказала Зина, – у него не очень-то ладится с именами.

После многих стараний ей удалось выпутаться из кошки, и теперь крайне озадаченная Дымка неуверенно шла к двери. Для кошки было совершенно непостижимо, как и почему она находилась в двух разных местах одновременно.

– Эммануил, ты помнишь, как меня звать? – спросил мистер Плаудет.

– Мистер Болтун, – сказал Эммануил.

– Нет, – улыбнулся мистер Плаудет и тут же добавил, нахмурившись: – Хотя в чем-то ты и прав. По-немецки «плаудет» значит «болтает», «эр плаудет» значит «он болтает».

– Это я ему рассказала, – поспешила вмешаться Зина. – Насчет вашей фамилии.

Когда мистер Плаудет ушел, Эммануил спросил у девочки:

– А ты можешь призвать колокольчики для плясок?

– Конечно, – кивнула она и тут же покраснела. – Это был хитрый вопрос, с подковыркой.

– Но ты-то выделяешь всякие хитрости. Ты все время выделяешь всякие хитрости. Я бы хотел услышать колокольчики, только мне не хочется плясать. А вот посмотреть на пляски мне бы хотелось.

– Как-нибудь в другой раз, – пообещала Зина. – И получается, ты что-то все-таки помнишь. Раз ты знаешь про пляски.

– Мне что-то припоминается. Я просил Элиаса показать мне моего отца, сводить меня туда, где он лежит. Я хочу посмотреть, как он выглядит. Может получится, что если я его увижу, то сумею вспомнить куда больше. А так я видел только его снимки.

– Ты хочешь от меня и другое, – сказала Зина. – Тебе нужны от меня и другие вещи, нужны даже больше, чем пляски.

– Я хочу узнать про твою власть над временем. Я хочу посмотреть, как ты заставляешь время остановиться, а затем бежать в обратную сторону. Это лучший из всех фокусов.

– Я же говорила, что за этим тебе нужно обратиться к отцу.

– Но ведь ты же можешь это сделать, – не сдавался Эммануил. – Можешь прямо здесь и сейчас.

– Могу, но не буду. Это повлияет на слишком многие вещи, и они никогда уже не вернуться к нормальному порядку. Как только они выбьются из ритма... Ладно, как-нибудь я это для тебя устрою. Я могу вернуть тебя назад, в до крушения. Только не знаю, стоит ли это делать, ведь тогда тебе придется пережить его снова, и это может тебе повредить. Ты, наверное, знаешь, что твоя мама была очень больна, я думаю, она все равно бы не выжила. А пройдет четыре года, и твоего отца разморозят.

– Ты точно это знаешь? – обрадовался Эммануил.

– Когда тебе будет десять лет, ты его увидишь. А сейчас он с твоей мамой, он любит возвращаться во время, когда впервые ее увидел. Она была страшной неряхой, и ему пришлось прибраться в ее куполе.

– А что это такое, «купол»? – спросил Эммануил.

– Здесь их не бывает, они специально для космоса. Для колонистов. Ведь это там, в космосе, началась твоя жизнь. Элиас тебе все это рассказывал, почему ты так плохо его слушаешь?

– Он человек, – сказал Эммануил. – Смертный.

– Нет, это не так.

– Он родился человеком, а затем я... – Эммануил помолчал, и к нему вернулся кусочек памяти. – Мне не хотелось, чтобы он умирал. Ведь правда мне не хотелось? И тогда я взял его к себе. Когда он и...

Он задумался, пытаясь сформировать в мозгу потерявшееся имя.

– Элайша, – подсказала Зина.

– Они все время ходили вместе, – продолжил Эммануил, – а потом я взял его к себе, и он послал часть себя Элайше, и поэтому он, в смысле Элиас, никогда не умер. Только это не настоящее его имя.

– Это его греческое имя.

– Так, значит, я все-таки что-то помню, – сказал Эммануил.

– Ты вспомнишь больше. Понимаешь, ты же сам установил растормаживающий стимул, который в нужный момент напомнит тебе все прежнее. И ты единственный, кому известен этот

стимул. Даже Элиас и тот его не знает. И я не знаю, ты скрыл его от меня, когда ты был тем, чем ты был.

– Я и сейчас есть то, что я есть, – сказал Эммануил.

– Да, – кивнула Зина, – но с той оговоркой, что у тебя нарушена память. А это, – добавила она рассудительно, – не совсем одно и то же.

– Пожалуй что нет, – согласился мальчик. – Но ты же вроде сказала, что сможешь мне вспомнить.

– Есть разные виды воспоминания. Элиас может сделать так, чтобы ты кое-что вспомнил, я могу сделать, чтобы ты вспомнил больше, но только твой собственный растормаживающий стимул может сделать тебя тем, чем ты был. Это слово... наклонись поближе, потому что никто, кроме тебя, не должен его слышать. Нет, уж лучше я его напишу.

Зина взяла с ближайшего стола листок бумаги, карандаш и написала одно-единственное слово: НАУАН.

Глядя на это слово, Эммануил почувствовал, что к нему возвращается память, но она вернулась лишь на какую-то наносекунду и тут же – почти сразу – исчезла.

– Хайах, – сказал он, еле шевеля губами.

– Это священный язык, – пояснила Зина⁶.

– Да, – кивнул Эммануил, – я знаю.

Это был иврит, сложное слово на иврите. Слово, от которого произошло Божественное Имя. Его охватило глубокое, сокрушительное благоговение, а еще он испугался.

– Не бойся, – сказала Зина.

– Мне страшно, – объяснил Эммануил, – потому что я на мгновение вспомнил.

И тогда я знал, подумал он, кто я такой.

Но снова забыл. К тому времени как они с девочкой вернулись на школьный двор, он уже этого не знал. И все же – как ни странно! – он знал, что недавно знал, знал и тут же забыл. Это словно, думал он, у меня не один разум, а два, один на поверхности, а другой в глубинах. Поверхностный был поврежден, а глубинный сохранился. Однако глубинный разум не может говорить, он закрыт. Навсегда? Нет, придет день, и его освободит некий стимул. Стимул, мною же и придуманный.

И нет сомнений, что он не просто не помнит, а по необходимости. Будь он способен восстановить в сознании все прошлые события, всю их сущность, государство нашло бы его и убило. У этого зверя было две головы: религиозная, кардинал Фултон Стейтлер Хармс, и научная по имени Н. Булковский. Но это были тени, фантомы. Для Эммануила не являлись реальностью ни Христианско-исламская церковь, ни Научная Легация. Он знал, что кроется за ними, Элиас все ему рассказал. Но и не расскажи ему Элиас, он все равно бы знал – он мог опознать Врага всегда и везде, под любым обличем.

А вот эта девочка, Зина, она ставила его в тупик. Что-то с ней было не так. И ведь она совсем не лгала, не умела лгать. Он не наделил ее способностью обманывать; ее главной, первой чертой была правдивость. Чтобы разрешить все сомнения, нужно было просто ее спросить.

А пока что он полагал ее зиной, одной из них – тем более что она призналась уже, что пляшет. Ее имя, без всяких сомнений, происходило от «Дзяна», приобретавшего иногда форму «Зина».

Он догнал девочку и тихо сказал ей на ухо:

– Диана.

⁶ В канонических изданиях Библии НАУАН переводится на русский язык как «Аз есмь Сущий», а на большинство европейских – как «Я есть тот, кто Я есть».

Она мгновенно повернулась – и преобразилась. Нос у нее стал совсем другим, и на месте девочки появилась зрелая женщина в бронзовой маске, сдвинутой на лоб так, что было видно лицо, греческое лицо; что же до маски – это была военная маска. Маска Паллады. На месте Зины появилась Паллада. Но он знал, что ее суть не там и не там, что все это лишь обличья, лишь формы, ею принимаемые. И все равно военная маска выглядела впечатляюще. А затем этот образ поблек и исчез, никем, кроме него, не увиденный. Эммануил знал, что она никогда не покажет его прочим людям.

– Почему ты назвал меня Дианой? – спросила Зина.

– Потому что это одно из твоих имен.

– Как-нибудь этими днями мы сходим в Сад, – сказала Зина. – Чтобы ты посмотрел зверей.

– Мне бы очень хотелось, – обрадовался Эммануил. – А где он? Сад?

– Здесь, – сказала Зина.

– Я его не вижу.

– Это ты сделал Сад, – сказала Зина.

– А вот я ничего такого не помню.

У него болела голова, и он сжал ее ладонями. Подобно отцу, подумал Эммануил, он делал то же самое, что делаю я сейчас. Вот только он не был моим отцом.

У меня нет отца, сказал он себе. Его наполнила боль, боль одиночества, а потом вдруг Зина исчезла, а с ней и школьный двор, и сама школа, и город – исчезло все. Он попытался сделать так, чтобы оно вернулось, но оно не возвращалось, и никакого времени не проходило. Исчезло даже время, даже оно. Я совсем забыл, думал он, и потому, что я забыл, все исчезло. Даже Зина, его художница и радость, не могла теперь ему напомнить; он вернулся в бескрайнюю пустоту. По лику пустоты, по бескрайности, медленно прокатился низкий рокошущий звук. Тепло стало зримым – при таком преобразовании частоты тепло стало светом, вот только свет этот оказался тускло-красным, зловещим. Эммануил посмотрел на свет и увидел, что он уродлив.

Отец, подумал он. Ты не...

Его губы шевельнулись, формируя короткое слово: НАУАН.

И мир вернулся.

Глава 5

– У тебя есть настоящий кофе? – спросил Элиас Тейт, с размаху рухнув на кучу Райбисовой грязной одежды. – Настоящий, а не эта гадость, которую втюхивает вам базовый корабль, – добавил он, брезгливо поморщившись.

– Есть немного, – сказала Райбис, – только я не помню где.

– Тебя часто тошнит? – спросил Элиас, всматриваясь в ее лицо. – Ежедневно и даже по несколько раз?

– Да, – кивнула Райбис и покосилась на Ашера; на ее лице было крайнее изумление.

– Ты беременна, – констатировал Элиас Тейт.

– Да я же сижу на химии! – возмутилась Райбис. – Меня выворачивает наизнанку из-за этих проклятых нейротоксита и предноферика.

– А ты спроси у компьютера, – посоветовал Элиас.

Райбис молчала.

– Кто ты такой? – спросил Херб Ашер.

– Бродячий дикарь, – ухмыльнулся Элиас.

– Откуда ты столько про меня знаешь? – спросила его Райбис.

– Я пришел, чтобы быть рядом с тобой, – сказал Элиас. – И теперь я все время буду с тобой. Так ты поговори с компьютером.

Райбис села к терминалу и вложила руку в паз медицинского анализатора.

– Мне не слишком-то хочется говорить тут с вами на эту тему, – сказала она, не поворачиваясь, – но только я еще девушка.

– Хватит, – сказал Херб Ашер, с ненавистью глядя на старика. – Убирайся отсюда.

– А может, сперва подождем, что скажет MED? – благодушно предложил Элиас.

Глаза Райбис наполнились слезами.

– Ужас какой-то, – всхлипнула она. – Сперва склероз, а теперь еще и это. Будто одной радости мало.

– Ей нужно вернуться на Землю, – сказал Элиас, повернувшись к Хербу Ашеру. – Власти не станут препятствовать. По закону эта болезнь является достаточной причиной.

– Я беременна? – убито спросила Райбис у компьютера, переключенного теперь на линию MED.

Молчание. А потом компьютер бесстрастно произнес:

– Мисс Ромми, вы на четвертом месяце беременности.

Райбис встала, подошла к иллюминатору и устремила взгляд в занесенную метановым снегом даль. Все молчали.

– Это Ях, да? – спросила она в конце концов.

– Да, – подтвердил Элиас.

– И так было задумано испокон веку? – спросила Райбис.

– Да, – подтвердил Элиас.

– А мой рассеянный склероз не более чем юридический повод, позволяющий мне вернуться на Землю.

– И благополучно пройти иммиграционный контроль, – добавил Элиас.

– И вы, – сказала Райбис, – знаете про это все до последней мелочи. А он, – продолжила она, указав на Ашера, – скажет, что это его ребенок.

– Так и будет, – кивнул Элиас, – и он полетит вместе с тобой. И я тоже с вами полечу. Тебя доставят в Чеве-Чейс, в Бетесдинский военно-морской госпиталь. Из-за крайней серьезности твоего состояния мы полетим прямым экстренным рейсом. И стартуем как можно скорее. У тебя уже есть все документы, нужные, чтобы подать запрос на возвращение домой.

– Это Ях подстроил мне эту болезнь? – спросила Райбис.

Элиас замялся, но в конце концов все же кивнул.

– Так что же это все такое? – взвилась Райбис. – Диверсия? Тайная операция? Вы задумали проташить контрабандой...

– Десятый римский легион. – В голосе Элиаса звенели горечь и злоба.

– Масада, – кивнула Райбис. – Семьдесят третий год от Рождества Христова, верно? Так я и думала. Я начала подозревать, как только услышала от клема про это горное божество на пятой станции.

– Он проиграл, – сказал Элиас. – В десятом легионе было пятнадцать тысяч закаленных солдат. И все равно Масада продержалась почти два года. А ведь там, за ее стенами, было меньше тысячи евреев, считая женщин и детей.

– Масада – это еврейская крепость, – пояснила Райбис ничего не понимавшему Ашеру. – Она пала, и только семеро женщин и детей пережили ее падение. Они спрятались в подземном водоводе⁷. А потом Яхве, – добавила она, – был изгнан с Земли.

– Да, – кивнул Элиас, – и у людей пропала надежда.

– Что это вы тут такое обсуждаете? – удивленно спросил Херб Ашер.

– Мы обсуждаем фиаско, – бросил Элиас Тейт.

– А теперь он, Ях, насыляет на меня тошноту, чтобы потом... – Райбис на мгновение задумалась. – А он что, происходит из этой звездной системы? Или его сюда изгнали?

– Его сюда изгнали, – подтвердил Элиас. – На Землю пала черная тень, тень зла. Она не дает ему вернуться.

– Господу? – поразились Райбис. – Господа сделали изгнанником? И Он не в силах вернуться на Землю?

– Люди Земли про это не знают, – сказал Элиас Тейт.

– Но вы-то знаете, верно? – вмешался Херб Ашер. – Откуда вы все это знаете? Почему вы так много знаете? Кто вы такой?

– Меня звать Илия, – сказал Элиас Тейт.

Они сидели за столом и молчали. Райбис даже не пыталась скрыть свое бешенство и практически не участвовала в разговоре.

– А что беспокоит тебя больше всего? – обратился к ней Элиас Тейт. – Тот факт, что Ях был изгнан с Земли, что враг нанес ему поражение, или то, что тебе нужно будет вернуться на Землю, пронося его внутри себя?

– Меня беспокоит необходимость оставить эту станцию, – рассмеялась Райбис.

– Тебе оказана высокая честь, – наставительно промолвил Элиас.

– Честь, от которой меня выворачивает наизнанку, – горько заметила Райбис. Ее рука, подносящая чашку к губам, мелко подрагивала.

– Но ты понимаешь, кто кроется в твоём чреве? – не отступал Элиас.

– Да что же я, совсем дура?

– Ты не очень-то впечатлилась, – заметил Элиас.

– У меня были собственные планы на свою жизнь.

– Мне кажется, вы как-то узко к этому подходите, – сказал Херб Ашер. Элиас и Райбис вздрогнули и вскинули на него глаза как на постороннего, без спросу вмешавшегося в важную беседу. – Но, может, я не все тут понимаю, – закончил он упавшим голосом.

– Ничего. – Райбис похлопала Ашера по руке. – Я и сама тут мало что понимаю. Почему именно я? Я задала этот вопрос, когда свалилась со склерозом. Почему я? Почему ты? Ведь

⁷ Когда положение крепости стало безнадежным, все остальные ее защитники и жители совершили коллективное самоубийство.

тебе тоже придется оставить свой купол, а заодно с ним и записи Линды Фокс. И возможность круглыми сутками валяться в койке, не делая ровно ничего, поставив аппаратуру на автоматику. Боже милосердный. В книге Иова все это ясно описано – кого Господь больше любит, над тем Он и больше измывается.

– Мы отправимся втроем на Землю, – сказал Элиас, – и там ты дашь рождение сыну, Эммануилу. Ях спланировал это еще до начала времен, до падения Масады и до разрушения Храма. Он предвидел свое поражение и сделал все, чтобы выправить ситуацию. Бога можно победить, но лишь на время. Божье лекарство всегда сильнее недуга.

– Felix culpa, – сказала Райбис.

– Да, – согласился Элиас. – Это значит «счастливая оплошность», в смысле падения, первородного греха, – объяснил он Ашеру. – Не будь падения, не было бы, надо думать, и Воплощения, не родился бы Христос.

– Католическая доктрина, – задумчиво проговорила Райбис. – Вот уж никогда не думала, что она будет иметь ко мне самое прямое отношение.

– Но разве Христос не победил силы зла? – удивился Херб Ашер. – Он же сказал: «Я победил мир»⁸.

– Видимо, он ошибался, – криво усмехнулась Райбис.

– С падением Масады, – сказал Элиас, – все пропало. Напрасно считается, что в первом веке от Рождества Христова Бог вошел в историю – Он покинул историю. Миссия Христа оказалась провальной.

– Вы же совершенно невероятный старец, – сказала Райбис. – Скажите, Элиас, сколько вам лет? Думаю, около четырех тысяч. Вы можете смотреть на вещи в очень далекой перспективе, а я на это не способна. Так, получается, вы все время знали про неудачу Первого Пришествия? Знали две тысячи лет?

– Как Господь предвидел первоначальное падение, ровно так же Он предвидел, что Иисус будет отвергнут. Господу все известно заранее.

– Ну а что Ему известно теперь? – прищурилась Райбис. – Он знает, что будет с нами? Элиас молчал.

– Нет, Он не знает, – сама себе ответила Райбис.

– Это... – Элиас замялся и смолк.

– Последняя битва, – закончила за него Райбис. – И в ней все может склониться как в ту, так и в другую сторону, верно?

– Но в конечном итоге Бог непременно победит, – возразил Элиас. – Ему все известно наперед, и с абсолютной точностью.

– Из того, что Он все знает, совсем не следует, что Он все может, – упрямо качнула головою Райбис. – Послушайте, я ведь правда очень плохо себя чувствую. Сейчас глубокая ночь, а я так ни минутки и не поспала, и это при том, что за день я вымоталась, и меня тошнит, и вообще... – Она безнадежно махнула рукой. – А что касается отъезда, не кажется ли вам, что беременная девушка вызовет у иммиграционных врачей, мягко говоря, недоумение.

– Я думаю, – заговорил Херб Ашер, – это и есть основная проблема. Именно поэтому я должен жениться на тебе и отправиться вместе с тобой на Землю.

– А вот я совсем не собираюсь выходить за тебя замуж. Да и с какой бы стати, если мы практически не знакомы, – вскинулась Райбис. – Выйти за тебя замуж? Ты это шутишь или всерьез? Сперва у меня рассеянный склероз, потом эта беременность... Черт вы вас побрал, вас обоих! Убирайтесь отсюда и оставьте меня в покое. Я говорю вполне серьезно. Ну почему я не заглотила все эти таблетки секонакса, пока была такая возможность? А впрочем, у меня

⁸ Ин. 16:33.

ведь и не было такой возможности, за мной следил Ях. Без его ведома не упадет на землю ни один воробей, ни один волос с наших голов. Извините, что забыла.

– А нет ли у тебя виски? – спросил Херб Ашер.

– Ну просто прелесть! – возмутилась Райбис. – Вы-то, конечно, можете тут нажраться, а вот смогу ли я? С моим рассеянным склерозом и каким-то там ребенком в животе? Я вот тут принимала ваши... – она бросила на Элиаса Тейта полный ненависти взгляд, – принимала ваши мысли на свой телевизор и по глупости считала, что это какой-то ужастиковый сериал, выковырянный из носа фомальгаутскими писаками, то есть чистейший вымысел. Пауки намыливались оторвать вам голову. Это что же, вот такие-то у вас подсознательные фантазии? И вы говорите от имени Яхве? – От ее лица отхлынула вся краска. – Я произнесла Священное Имя. Простите.

– Ничего, – успокоил ее Элиас, – христиане все время его произносят.

– Но я-то еврейка. Потому-то я и вляпалась в эту историю, что тут непременно нужна была еврейка. Будь я язычницей, Ях ни за что бы меня не выбрал. Успей я с кем-нибудь хоть раз переспать... – Райбис на секунду смолкла. – Божественный промысел отличается какой-то изощренной жестокостью, – закончила она. – В нем нет ни капли романтики, одна жестокость.

– Тут не до романтики, – вздохнул Элиас. – Слишком уж многое стоит на кону.

– Многое? – переспросила Райбис. – А что именно?

– Мир существует лишь потому, что Ях его помнит.

Херб Ашер и Райбис недоуменно молчали.

– Если Ях забудет, мир исчезнет, – пояснил Элиас.

– А Он что, может забыть? – поинтересовалась Райбис.

– Ему еще предстоит забыть, – отвел глаза Элиас.

– Иначе говоря, Он все-таки может забыть, – подытожила Райбис. – Тогда понятно, для чего вся эта суматоха. Вы объяснили это достаточно ясно. Понятно. Ну что ж, если так... – Она пожала плечами и с задумчивым видом отпила из чашки. – Значит, все держится на Яхе. Если бы не Он, меня бы не было. Да и вообще ничего бы не было.

– Его имя означает «Тот, кто дает существование всему сущему», – пояснил Элиас.

– Всему, не исключая и зла? – спросил Херб Ашер.

– По этому вопросу в Писании сказано:

Дабы узнали от восхода солнца
и от запада, что нет, кроме Меня;
Я Господь, и нет иного.

Я образую свет и творю тьму,
Делаю мир и произвожу бедствия;
Я, Господь, делаю все это.

– А где это сказано? – спросила Райбис.

– Исаия, глава сорок пятая.

– «Делаю мир и произвожу бедствия», – задумчиво повторила Райбис. – «Творяй мир и зиждай злая».

– Значит, вы знаете этот стих. – Элиас взглянул на нее с чем-то вроде интереса.

– В такое трудно поверить, – сказала Райбис.

– Не забывайте про единобожие, – резко бросил Элиас.

– Да, – кивнула Райбис. – В этом суть единобожия. И все равно это жестоко. Жестоко то, что происходит со мною сейчас, а сколько еще впереди. Я хотела бы выйти из этой игры, но не имею такой возможности. Никто не спрашивал меня вначале, никто не спрашивает и

сейчас. Ях знает наперед все грядущее, а я знаю лишь то, что там меня ждут новые и новые порции жестокости, страданий и рвоты. Для меня служение Господу оборачивается тошнотой и необходимостью ежедневно делать себе уколы. Я кажусь себе чем-то вроде больной крысы, запертой в клетку. И это сделал со мною Он. У меня нет ни веры, ни надежды, а у Него нет любви, одна только сила. Бог – это синоним силы, никак не больше. Ну и ладно, я сдаюсь. Мне уже все равно. Я сделаю все, к чему меня принуждают, хотя и знаю, что это меня убьет. Ну как, договорились?

Мужчины молчали и отводили глаза.

– Сегодня Он спас тебе жизнь, – сказал в конце концов Херб Ашер. – Это Он прислал меня сюда.

– Добавь к этому пять центов, и как раз наберется на чашку каффа, – невесело откликнулась Райбис. – Кому, как не Ему, обязана я этой болезнью?

– Но теперь-то Он тебе помогает.

– Знать бы вот только зачем.

– Чтобы освободить бесчисленное множество живых существ, – вмешался Элиас.

– Египет, – безнадежно вздохнула Райбис. – Египет и работа на лепке кирпичей. Каждый раз одно и то же. Ну почему освобождение опять и опять оборачивается новым рабством? Есть ли у нас хоть какая надежда на полное, окончательное освобождение?

– Вот это как раз и будет окончательным освобождением, – сказал Элиас.

– Только меня вот оно не коснется, – саркастически усмехнулась Райбис. – Я пала в борьбе.

– Пока еще нет, – качнул головою Элиас.

– Ну так вскоре паду.

– Возможно. – По суровому лицу Элиаса Тейта невозможно было понять, что он думает. И вдруг неизвестно откуда прозвучал низкий рокочущий голос:

– Райбис, Райбис.

Райбис вскрикнула и беспомощно огляделась по сторонам.

– Не бойся, – сказал голос. – Ты пребудешь в своем сыне. Теперь ты не умрешь никогда, даже по скончании века.

Райбис уронила лицо в ладони и тихо, почти беззвучно заплакала.

Позднее, когда в школе кончились уроки, Эммануил решил еще раз опробовать герметическое преобразование, чтобы лучше познакомиться с окружающим миром.

Для начала он ускорил свои внутренние биологические часы, так что мысли его побежали все быстрее и быстрее; он словно несся по туннелю линейного времени, все ускоряясь, пока скорость не достигла огромной величины. После этого он сперва увидел плывущие в пространстве цветные пятна, а затем неожиданно встретил Стража, иначе говоря – Григона, преграждавшего путь между Нижним и Верхним Пределами. Григон предстал ему в виде оголенного женского торса, находившегося так близко, что до него можно было дотронуться. Далее он стал двигаться со скоростью Верхнего Предела, так что Нижний Предел перестал быть сущностью и превратился в процесс. Он развивался нарастающими слоями в отношении 31,5 миллиона к одному, считая по временно́й шкале Верхнего Предела.

Так что теперь он наблюдал Нижний Предел не как некое место, но как прозрачные картины, сменявшие друг друга с огромной, головокружительной частотой. Это были внепространственные формы, вводившиеся в Нижний Предел, чтобы стать там реальностью. Теперь он был всего лишь в одном шаге от герметического преобразования. Последняя картина замерла, и время для него исчезло. Даже с закрытыми глазами он видел комнату, в которой сидел; бегство закончилось, он ускользнул от того, что его преследовало. Это означало, что его нейрон-

ная балансировка безупречна и что его эпифиз воспринимает при посредстве одного из ответвлений глазного нерва свет и содержащуюся в нем информацию.

Какое-то время он просто сидел, хотя выражение «какое-то время» ничего уже больше не означало. А затем, шаг за шагом, произошло преобразование. Он увидел вне себя структуру, оттиск своего мозга, он был внутри мира, сотворенного из его мозга, то тут, то здесь струились потоки информации, подобные живым красносияющим ручейкам. Теперь он мог протянуть руку и потрогать свои мысли в их изначальном виде, до того как они стали мыслями. Комната была наполнена их огнем, во все стороны расстилалось необъятное пространство – объем его собственного мозга, ставший для него внешним.

Затем он интроецировал внешний мир, так что теперь Вселенная пребывала внутри его, а его мозг – вне. Его мозг заполнил пространство неизмеримо большее, чем то, в котором пребывала прежде Вселенная. Он знал теперь предел и меру всего сущего и мог управлять миром, который стал его частью. Он успокоил себя и расслабился и тогда увидел очертания комнаты, кофейный столик, кресла, стены и картины на них – призрак внешнего мира, пребывавшего вне его. Он взял со столика книгу и открыл ее. В книге он нашел свои собственные мысли, обретшие печатную форму. Напечатанные мысли были упорядочены вдоль временно́й оси, которая стала теперь пространственной, единственной осью, вдоль которой было возможно движение. Он мог наблюдать, словно в голограмме, различные века своих мыслей; самые недавние выходили ближе всего к поверхности, древние же лежали в глубине под многослойными напластованиями.

Он созерцал внешний себе мир, который свелся теперь к скупым геометрическим формам, преимущественно квадратам, с Золотым Прямоугольником в качестве двери. Ничто не двигалось, за исключением сцены за дверью, где его мать играла и веселилась среди старых, неухоженных зарослей роз на знакомой ей с младенчества ферме; она улыбалась, и глаза ее сияли счастьем.

Теперь, думал Эммануил, я изменю мир, включенный мною внутрь меня. Он взглянул на геометрические формы и позволил им чуть-чуть наполниться материей. Пролежанная синяя кушетка, предмет нежной любви Элиаса, медленно поднялась на дыбы, ее очертания поплыли и начали меняться. Эммануил освободил ее от причинно-следственных связей, и она прекратила быть пролежанной, сплошь в пятнах от пролитого каффа кушеткой и стала вместо этого хепплайтовским шкафчиком с полупрозрачными, костяного фарфора тарелками, чашками и блюдами на темных, красного дерева полках.

Он восстановил – до некоторой степени – время и увидел, как Элиас Тейт бродит по комнате, то входит, то выходит; он увидел слои бытия, спрессованные в последовательность вдоль временной оси. Хепплайтовский шкафчик присутствовал лишь в недолгой группе слоев. Сперва он сохранял пассивную – либо отсутствие, либо покой – моду существования, а затем был втянут в активную – либо присутствие, либо движение – моду и примкнул к перманентному миру филогонов на равных правах со всеми представителями этого класса, пришедшими прежде. Теперь в его вселенском мозге хепплайтовский шкафчик, наполненный великолепной, костяного фарфора, посудой, навечно стал неотъемлемой частью реальности. С ним никогда уже не произойдет никаких изменений, и никто, кроме него, его больше не увидит. Для всех прочих он остался в прошлом.

Он завершил преобразование заклинанием Гермеса Трисмегиста: *Verum est... quod inferius est sicut quod superius et quod superius est sicut quod inferius, ad perpetranda miracula rei unius.*

Что означало: «Истинно говорю, то, что внизу, подобно тому, что вверху, а то, что вверху, подобно тому, что внизу. И все это только для того, чтобы совершить чудо одного-единственного».

Эти слова были когда-то начертаны на Изумрудной скрижали, врученной Марии Пророчице, сестре Моисея, самим Техути⁹, который был изгнан из Пальмового Сада, но прежде успел дать всем тварям имена.

То, что внизу, – его собственный мозг, микрокосм – стало макрокосмом, и теперь он, микрокосм, содержал в себе макрокосм, иначе говоря, то, что вверху.

Теперь, осознал Эммануил, я занимаю весь мир, я везде, и везде в равной степени. А значит, я стал Адамом Кадмоном, Первочеловеком. Движение в трех пространственных измерениях стало для него невозможным, ведь он и так уже был во всех местах и двигаться ему было некуда. Единственная возможность движения, единственная возможность изменения реальности лежала вдоль временной оси; он сидел, созерцая мир филогонов, миллиарды филогонов, возникавших, возраставших и завершавшихся, движимых диалектикой, подлежащей всем преобразованиям. Это его радовало, вид многосложной сети филогонов был приятен для глаза. Это был Пифагоров космос, гармоничное соположение всех вещей, каждая на своем, единственно верном месте, каждая вечна и нерушима.

⁹ Техути – один из аспектов египетского бога Тэта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.